

Михаил Михайлович
Вербицкий

**Тропа тунейдцев —
6. Эпидемия. Часть
вторая**

Роман-катастрофа

Михаил Вербицкий

**Тропа тунейдцев – 6. Эпидемия.
Часть вторая. Роман-катастрофа**

«Издательские решения»

Вербицкий М. М.

Тропа тунейдцев – 6. Эпидемия. Часть вторая. Роман-катастрофа /
М. М. Вербицкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500714-8

Здесь майор Злыдник продолжает спасать мир. Жители Молочаевской аномалии выходят на международный уровень, а братья Понаморенко завязывают торговые отношения, с дальним зарубежьем.

ISBN 978-5-00-500714-8

© Вербицкий М. М.
© Издательские решения

Содержание

Тропа тунеядцев-6	6
Книга третья	7
Часть вторая	8
Небо в алмазах	9
Глава одиннадцатая	9
Глава двенадцатая	34
Глава тринадцатая	47
Глава четырнадцатая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Тропа тунейдцев – 6. Эпидемия. Часть вторая Роман-катастрофа

Михаил Михайлович Вербицкий

© Михаил Михайлович Вербицкий, 2019

ISBN 978-5-0050-0714-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-0715-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Михаил Михайлович Вербицкий.

Тропа тунейдцев-6

Книга третья

Эпидемия

Часть вторая

Небо в алмазах

Глава одиннадцатая

Подобного наплыва покупателей не наблюдалось в кафетерии Молочаевского коммерческого центра, с прошлого года. Только в прошлом году, основу покупателей составляли представители бизнеса, а, в этом году, выручку, Раисе Петровне, стали давать работники посольств и консульств. Деревня, еще, только проснулась, а в точке общепита, уже было не протолкнуться. Хозяйка даже послала, за дополнительной мебелью, чтобы обустроить посадочные места, во дворе.

На этой неделе, это была вторая волна дипломатов. Она была гораздо многочисленнее первой. Первая накатила, после приезда в Беларусь сотрудника ЦРУ, Сесилии Хаттон. Ее неожиданный визит и незамедлительное отбытие в Молочаевку всколыхнули, застоявшуюся за зиму, агентурную среду. По ее следам, в опасную зону, кинулись человек десять. Те, кому было особенно интересно, чего ее туда понесло. В основном это были представители восточных деспотий и монархий. Запрета на посещение этой секретной территории у них не было, в отличие от представителей развитых демократий. Монархи и деспоты особо не считались с людскими потерями. Сатрапы наоборот, требовали от подчиненных служебного рвения и готовности пожертвовать собой. Первая волна плеснула с легким шорохом, и бесследно растаяла, оставив после себя только таджикского и кубинского атташе по культуре. Остальные, ранние пташки, были отозваны, после того, как их руководство, ознакомилось с донесениями в которых подробно освещалась ситуация в Молочаевской аномалии.

Одно такое донесение было перехвачено и расшифровано, врагами. Отличился Моссад. В его руки попал рапорт палестинца. В Израиле, по этому поводу, состоялся разговор между премьер-министром и руководителем разведслужбы. Их встреча произошла в Хайфе. Встречались они по более серьезному поводу, чем белорусская аномалия, но в конце беседы, глава разведки счел нужным проинформировать премьер-министра о перехваченной депеше.

– Беларусь, это – между Польшей и Россией. – Сказал руководитель Моссада.

– Я знаю, где эта страна. – Сказал премьер-министр. – Бегин и Гольда Меир, родом оттуда. Так, что – говоришь, там снова летающая тарелка? Очередная?

– Палестинский атташе настойчиво утверждает, что видел ее своими глазами.

– И, как оттуда выходили зеленые человечки?

– Он говорит, что это были трансвеститы. Зеленые. В космических костюмах.

– Прилетели, значит, вышли, поставили, отметку в паспорте и отправились в ближайшую деревню водку пить! Может они зеленые с похмелья были? Или их укачало, по дороге? А потом они напились до чертей и с песнями вернулись обратно. Неудивительно, что столько отозвали. Ты бы, что делал, если бы твой агент, прислал подобное донесение?! Хорошо. Что собираешься предпринять?

– Пусть наш парень съездит и осмотрится.

– Это понятно. Ты меня сразу информировуй, что – там и как. Хоть какая-то разрядка, в сфере напряженности, будет.

Этим утром, в кафетерии, дежурными темами, для обсуждения, стали: ветрянка кубинца и исчезновение таджикского атташе.

По поводу таджика все вроде было ясно. Он исчез не бесследно. Ранним утром, его видели идущим в лес. Шел он туда безбоязненно, в состоянии мрачной задумчивости, твердой походкой уверенного во всем человека. Подобные случаи, в истории исследования аномалии, уже были зафиксированы и особого удивления не вызывали. С кубинцем, тоже, все просмат-

ривалось отчетливо. Он был госпитализирован в Минской инфекционной больнице, на улице Кропоткина, с чесоткой по всему телу. Где кубинец подхватил непонятную белорусскую заразу, было неизвестно. Ясно было, только то, что он лазил там, где не надо.

В массовом отзыве восточных коллег по цеху, тоже, ничего необычного не было. После прошлогодней истории с российским кораблем, кого только, из международников, не отозвали, для психического обследования. Больше половины дипмиссий заменили своих атташе по культуре. Видимо ныне отозванные, подобно прошлогодним сообщили своему начальству, нечто совершенно фантастическое. А руководители разведслужб, как известно, к фантастике относятся отрицательно.

Опыт восточных партнеров вынудил, прибывших во втором эшелоне, туманно сообщить начальству о подозрительном объекте, непонятного назначения, стоящий в ямсовом поле. О том, что он похож на НЛО, не написал никто. Даже намеков, на эту тему, не было. И, сегодня, обсуждать загадочный объект, торчащий на плантации, никому не хотелось. Всем хотелось просто поговорить, на общие темы, и найти точки соприкосновения.

Пустопорожней болтовней депутаты занимались, пока в шесть часов, откуда неизвестно, не пришло известие, что инопланетяне, или как их – там, разгружаются. Покупателей, как ветром, сдуло. Все, вихрем, рванули в поле.

Через какое-то время, кафетерий, вновь стал наполняться. Первым вернулся чех Ходинский. Он, даже, не дождался конца разгрузки. Постоял немного и поехал обратно.

Взяв чашку кофе, он присел в уголке, с угрюмым выражением лица. Все происходящее в этой проклятой Молочаевке, навевало на него грусть и печаль. В прошлом году, он, уже, едва не влип в передрыгу, связанную с инопланетянами и параллельными мирами. Хорошо, что организм Ходинского не воспринимал грибов. А, то не миновать ему разноса от начальства или еще, чего похуже. Возможно, даже, перевода в архив. Прошлым летом, когда в дипломатической среде, разнесся слух, что российский корабль многоразового использования сел в этой местности не сам по себе, а под воздействием установки Мышковца, начальство потребовало, от Ходинского активизироваться. Он активизировался, до такой степени, что вышел на местного астрального синоптика Мирошниченко. Геннадий Петрович поведал Ходинскому о наличии в Молочаевке космодрома, для посадок НЛО, о временных и пространственных искажениях в этой местности. И, еще о многом подобном. Беседа происходила в доме Молочаевского уфолога. За накрытым столом. Выпить, под эту тему, Ходинский выпил, но закусывать не стал. Из закуски, на столе, присутствовали только грибы, а грибов чех, как уже говорилось, не ел. Атташе из Индии, которого Ходинский пригласил разделить груз ответственности, тот ел, от пуза. Когда, после застолья, они, они втроем, отправился созерцать местное Зазеркалье, оно Ходинскому не открылось. Геннадий Петрович и Ранжит Гурдипанкара живо обсуждали достоинства и характеристики наблюдаемых космических аппаратов, а Ходинский, сколько не таранился в ночную тьму, ничего не усматривал. Немного поломав голову, почему эти двое видят космодром и летательные аппараты, а он нет, чешский атташе от возмущения, пришел к логичному выводу, что виной всему современные белорусские грибы, которыми угощали, перед приобщением к неизведанному. Мирошниченко с индусом ели грибы, а он нет. Значит, миры открываются после грибочков. Сделав логичный вывод, Николай встал на колени, перед своим пищеварительным трактом. За столом он клял его последними словами, а в поле воздал ему хвалу. В Центр, он о своем открытии ничего сообщать не стал. Решил повременить. Просто отписался. Сообщил, что продолжает собирать сведения. Руководство решило, что он активизировался недостаточно, и вкатило ему выговор, без занесения в личное дело. Это случилось, когда по российскому телевидению показали общение профессора Протасова, с зелеными инопланетянами. Ходинскому было поставлено, на вид, что работает он плохо, что в работе разведчика имеются упущения. Ходинский взялся устранять пробелы, в своей деятельности. Он несколько раз просмотрел запись передачи про инопланетян. В ходе общения с профессо-

ром, гуманоиды исполнили несколько русских народных песен, но про полеты в пространстве не рассказывали. Это было явно не грибное. Поэтому Ходинский стал разбираться.

Выяснилось, что поющие зеленые человечки, в сельской местности – явление не редкое. Для этого феномена, в новейшей белорусской медицине есть, даже, конкретное определение – сибимольная лихорадка. Отчего она случается, было неизвестно. В белорусской академии наук, с этим, еще не разобрались. Было, только известно, что лечению она не поддается, а проходит сама, собой. В начале эволюционного развития, людей страдающих неудержимой тягой к песенному творчеству еще пытались лечить. Помещали, таких пациентов в специализированное лечебное заведение, известное, на республиканском уровне, под общим кодовым названием «Новинки». При наличии больных, страдающим этим странным недугом, тихая психушка превращалась в сумасшедший дом. Одержимые сибемольной лихорадкой пациенты пели не переставая. Пели во весь голос, тревожа покой страдающих белой горячкой, склонных к суициду и пациентов с повышенной тревогой. Никакие меры воздействия, на певцов не действовали. Никакие препараты. Их даже кололи негуманными психотропами. Все без толку, после уколов, от которых обычные пациенты превращались в тесто, «сибемольщики», вообще начинали петь не умолкая. Имея печальный опыт, в прошлом, в настоящее время, зеленых певцов не госпитализировали, а оставляли на воле. Там, они, месяца через три, умолкали, сами по себе и возвращались к обычной жизни. Получив эту информацию, руководство, деятельностью своего агента, осталось довольно. А когда, в Праге, стало известно, что поток информации, захлестнувший другие разведцентры, был вызван наркотическими видениями их сотрудников, Ходинского даже похвалили и сняли выговор. Зарекомендовав, в прошлом году, себя должным образом, разрешение на посещение аномалии, в этом году, Ходинский получил быстро. Однако, ехать в это проклятое место, он не спешил, поджидая остальных. Прибыв в Молочаевку, скромным середнячком, и обнаружив там нечто, похожее на летающую тарелку, он сильно опечалился, подозревая, что добром это не кончится.

– В прошлом году пронесло, а в этом могу влипнуть в историю. – Думал он, разглядывая нечто непонятное, на восьми опорах.

То, что вещь реальная, сомнений у него не было, потому, что огоньки вокруг не сверкали, и стоял объект, опираясь на землю, а не на бетонную взлетную полосу. В этом году взлетные полосы космодрома еще никому не открывались. Торчит, себе, в поле на восьми опорах штука, похожая на НЛО, и – все. По убеждению Ходинского, кроме неприятностей, эта фигювина, ему ничего не сулила. Как, впрочем, и всем остальным. Мысли свои, правда, Ходинский держал при себе. Пророчить беды, коллегам, не спешил. Только, на всякий случай посетил прошлогоднего астрального синоптика. У того было многолюдно. Было видно, что дело изучения потусторонних миров идет полным ходом. По двору бродили, большей частью, небритые мужики, в серебристых переливчатых костюмах. За домом, в саду стояли две большие армейские палатки, устаревшего образца, в которых, тоже, были люди. На общение, с Ходинским у Геннадия Петровича времени не нашлось. Поэтому он просто побродил, среди его гостей, благо никто не интересовался, кто – он, и – откуда. Когда перед его взором, мелькнул профессор Протасов, он понял что дела, здесь, еще хуже, чем он думал. А, уловив, идущий, из ближней палатки аромат жареных грибов, Ходинский сказал, про себя, нецензурную фразу и отправился восвояси. Усугубляло плохое настроение, чешского атташе, то, что из разговоров представителей дипломатического корпуса, он узнал, что испанец Гонсалес, который в прошлом году, тоже прошел между Сциллой и Харибдой, приезжал в Молочаевку. Приехал и пропал. Главное – в город не уезжал, а где находится неизвестно. Ходинский подозревал, что Гонсалесу, об аномальных процессах, известно больше чем ему потому, что, тогда, во время кризиса, с российским космическим аппаратом, испанец соскочил, с подножки, гораздо раньше его. По астральному синоптику, они, скооперировавшись, работали вместе. Опереждали других, в этом деле, на пару корпусов. Но в тот самый вечер, когда нужно было идти кушать грибы, к Геннадию

Петровичу, Гонсалес, от участия в совместном проекте, отказался. Вывернулся гад, в самый последний момент. Видимо что-то пронюхал, а партнеру ничего не сказал. Все эти размышления и воспоминания, снизили градус настроения чешского атташе по культуре до такой степени, что он начал подумывать об употреблении алкоголя, в повышенной дозировке.

Через час, после Ходинского, стали подтягиваться остальные. Эти, наоборот, имели вид бодрый и решительный. Попивая горячий кофе, дипломаты думали о серьезных вещах и говорили мало. Но тишина в заведении, стояла недолго.

Сначала соседи стали перебрасываться малозначительными фразами. Когда кофе окончательно остыл, начали задавать, друг другу, наводящие вопросы.

– Заметили? Эту дорогу, по всей видимости, недавно ремонтировали.

– Как-то – странно. Дорога в лес ведет. Зачем ее ремонтировать?

– Но, ремонтировали не вчера. Гораздо раньше.

– Везде присутствует информация, что, здесь в лес не ходят. А, тут, шесть трейлеров заехали и – ничего.

– Но обратно не выехали!

– И, люди не вышли! Но, на массовое самоубийство это не похоже.

– Может, одежда, у них – экранирующая. Вы заметили?

– Там, и, в обычной одежде, тоже были. И, тоже, в лес отправились.

– Может, здесь, лес неопасный. – Высказал предположение Кристоф Морель, атташе, по культуре, Франции.

– Попробуй, сходи. – Сказал поляк Зелинский. – Если соберешься – скажи. Мы, постоим, понаблюдаем, в целях твоей безопасности. Если, что – пожарников вызовем.

– Нет, кто-нибудь скажет, в конце концов, инопланетяне это или не инопланетяне! – Взорвался азербайджанец Керимов.

– Вы, про кого?

– Ну, эти, в блестящих костюмах? С льюрексом!

– Если, и, инопланетяне, то довольно странные. – Сказал Хагай Леви, атташе из Израиля. – Во-первых – многие курят, как вы заметили. Во-вторых – имена, у них, не космические.

– Вы, откуда знаете?

– У одного, на руке, я заметил примитивную татуировку. Знаете, солнце встает, будто ребенок рисовал, и надпись – «Костя». «Костя», это – сокращенно от Константина, распространенное имя, на Земле.

– Многие, к тому, же – пьяные ходят. – Подал голос, из своего угла Ходинский.

– Что – правда?! – Встрепенулись все.

– А, вы сходите, посмотрите, сами. Если не верите. – Сказал чех. – В местном синоптическом центре, инопланетяне, днями тусуются. Как они пьют, не видел, но слышно было, как чокались.

– В каком – «центре»? – С подозрением, спросил итальянец, Ахилл Канетти.

На вопрос, Ходинский не ответил. Только пожал плечами. При этом он коварно подумал, что избыток информации, в целях дезинформации противника, может повредить делу. Еще он подумал:

– Интересно – этот год грибной или не очень?

ГУМАНОИДЫ, ЧЕРЕЗ БЕЛОРУССКИХ ФЕРМЕРОВ, ПЕРЕДАЛИ ПОСЛАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ!

В актовом зале «Лапендрюги 803241», проходило дружеское общение, некоторых членов, коллектива летающей тарелки. Это было не рабочее совещание, а, именно – дружеское общение. Для рабочего совещания, требовалось присутствие трех четвертей дееспособных

членов экипажа. В этот час, в актовом зале, собрались лишь одиннадцать астронавтов, свободных от неотложных дел. Было просто удивительно, как много неотложных дел появилось у других членов экипажа, после приземления на Землю. На других планетах, ничего подобного не наблюдалось. На Земле, всех просто охватил приступ трудового энтузиазма. У всех находились занятия, причем неотложные, не дающие возможности присутствовать на общем собрании. С утра, строительная группа отправилась на новую площадку, для возведения транспортного модуля. К ней примкнули Хронометрист, Транспортировщик и Медик. Хронометрист и Транспортировщик, для общего контроля, Медик чтобы наладить питание строителей. Получилось так, что десять членов экипажа долго восстанавливались, после посиделок в туристическом лагере. У девяти было алкогольное отравление. У Транспортировщика – сломаны четыре ребра. Всех интересовало, как он получил эту травму. Может, на него было совершено нападение? Транспортировщик, перед тем, как лечь на восстановление, всех успокоил, объяснив, что травма производственная, получена в ходе ознакомления с земными транспортными средствами.

– Учился ездить на велосипеде. – Заявил он и залез в капсулу.

Как, только, члены контактной группы поправились, пришла транспортная колонна землян. Пришлось срочно загружаться и ехать, на строительную площадку.

Доктор был против, чтобы строители отправлялись на работу не позавтракав, но Медик вынуждался сопровождать их и проследить, за приемом пищи.

После статистически стандартного завтрака, стали разъезжаться узкие специалисты. Зоолог и Флорист отправились изучать местную флору и фауну. Архивариус отправился собирать земные артефакты. Администратор изучать особенности проведения досуга, на Земле. Он заявил, что его этнографические исследования помогут разнообразить отдых и развлечения, членов экипажа.

Техническая группа даже ничего не стала объяснять, по поводу своего отсутствия на собрании. Гидропоник, Коммуникатор и Климатолог, просто собрались и ушли в технический отсек. На корабле по-прежнему наблюдалось расстройство систем жизнеобеспечения, и многие члены экипажа натурально страдали. Виновник разрухи, Координатор, даже не пришел на прием пищи, так был занят устранением неполадок. Он заявил, что перекусит на ходу и что не может спокойно рассиживаться в столовой, когда отовсюду течет и пахнет. Никто не стал ему перечить.

– На ходу, так – на ходу. – Решили все. – Сил нет смотреть на твое неприятное лицо.

Доктор заявил, что у него срочные исследования и заперся в своей лаборатории. Механик поставил всех в известность, что у него – профилактика и заперся в двигательном отсеке. Материалист сообщил, что у него ревизия и ушел на склад. Такелажник буркнул непонятно, что и ушел неизвестно куда. Видимо тоже на профилактику. Электроник вообще ничего не сказал, пропал и все. Так, что в урочный час, в центральном помещении корабля в модернистских креслах расположились, только одиннадцать нанайских космонавтов, готовых приятно пообщаться друг с другом.

Дружескую беседу, вел в этот день, Галактик. Астронавигатор, который, раньше, выступал по поводу и без повода, в этот день, был хмур и неразговорчив. Пока Галактик распространялся об отстраненных материях, Астронавигатор напряженно думал, о складывающейся вокруг их прибытия сложной обстановке. Думал он раздраженно. Полностью соответствующая всем нормам и нормативам речь Галактика, выводила его из состояния равновесия. Говоря откровенно, она раздражала.

– Проклятый Галактик! – думал Астронавигатор. – Никак не успокоится. Летает и летает. Никакого уговону, на него, нет. Мне одна ступень, до тридцать третьего осталась, а он держится за свое место. Кажется – столько сотен лет, уже летает, а никак не налетается! Ведь баллов набрал немеренно. Бонусов получил, столько, сколько никому не снилось. Нет, все равно,

с места его не сдвинешь! Давно мог выйти в отставку, получить пост главы временной комиссии и обосноваться на какой-нибудь отсталой планете, в коттедже, со всеми удобствами. Чего ему нейдет?! Земляне, эти – тоже! Мутят чего-то. Только чего – непонятно. Но все – не так.

Подсигивая, Галактика, Астронавигатор стал очень чувствительно воспринимать политическую обстановку, складывающуюся в коллективе. Опыта в большой политике, на планетарном уровне, у него не было, но инстинкты появились. Что вокруг их прилета, складывается странная ситуация, он чувствовал на подсознательном уровне, только не мог облечь разрозненные впечатления в осмысленную форму. Больше всего вопросов возникало, по поводу малого количества встречающих и контактирующих туземцев. За последние дни, правда, их количество возросло, но не настолько, чтобы можно было говорить о всепланетном ажиотаже. Сообщения в «Интернете», о посадке в Беларуси летающей тарелки, Система фиксировала ежедневно. Она отмечала, так же, что информация, о пришельцах в Молочаевке, тоже присутствует. Тогда, почему, вокруг, так мало землян? На днях, покопавшись в Системе и узнав, что Земля бедна определенными видами минералов, которые ценятся здесь очень высоко, он сделал тонкий тактический ход. Вступив в непринужденную беседу с Климатологом и Коммуникатором, которые отправлялись в баню, он посоветовал им преподнести, устроителям мероприятия, небольшой презент. В знак благодарности, за гостеприимство. Тем идея понравилась. А, Астронавигатор даже отправился с ними в корабельную кунсткамеру и предложил взять, в качестве сувенира, два образца минеральных образований, очень привлекательных на вид.

По прикидкам номера Тридцать Второго, образцы должны были произвести, среди землян, настоящий фурор. Ценность они, по здешним меркам, имели неимоверную. По его расчетам после известия о том, какие сувениры раздают представители Нанайи, сюда должны были ринуться люди, со всех концов планеты. Но прошли сутки, а ничего не происходило. Система тоже никакого ажиотажа, в «Интернете», не наблюдала. Возможно, земляне не оценили уникальных качеств сувениров. Нужно было предпринять еще один заход. Тут, размышления Астронавигатора были прерваны. Дружеская беседа, тоже умолкла. В конференц-зал, ввалилась толпа андроидов и стала интимно подмигивать присутствующим. При этом половина кивала, головами, одетыми в лапендрюги, а вторая половина призывно позванивала бубенцами, на шеломайках.

СООБЩЕНИЯ ОБ ИНОПЛАНЕТЯНАХ В МОЛОЧАЕВСКОЙ АНОМАЛИИ ОКАЗАЛИСЬ ВЫМЫСЛОМ. БЕЛОРУСКИЕ ФЕРМЕРЫ ЗАКАБАЛИЛИ ПОКЕМОНОВ, КОТОРЫЕ ТРУДЯТСЯ НА НИХ 24 ЧАСА В СУТКИ!

Черный внедорожник, битком набитый сотрудниками ЦРУ, медленно и зловеще разъезжал про улицам Молочаевки. «Черный ворон» медленно проследовал по центральным и второстепенным улицам. Возле церкви, разведчики, даже, остановились и полюбовались на увитый плющом памятник зодчества. В конце концов, посоветовавшись, американцы пришли к решению, что ездить, вот, так – без толку.

– Надо попробовать спросить, у кого-то. Может, скажут, где эта космическая лаборатория. – Приняла решение Сесилия Хаттон, сидевшая за рулем.

В машине присутствовали четыре сотрудницы и один сотрудник. Все сотрудницы были участниками вчерашнего рейда по кукурузному полю. Выглядели, все четверо, неважно. Неважно, до такой степени, что тонированные стекла автомобиля воспринимались ими, как дар божий. Лица, у всех были замотаны платками, так, что видны были, только глаза. Могло, создаться впечатление, что в связи со служебными неурядицами, женщины решили перемнить веру, и попытать счастья на пути, указанном пророком Мухаммедом. Однако, намотанные на головы, наподобие паранджи платки не имели связи с религиозными течениями. Просто, за городом, у всех четверых, к коже начинала липнуть всякая непонятная дрянь. Их постоянно

припорошивало разноцветной пылью. Иногда, неизвестно откуда прилетали более крупные семена растений. Они, тоже липли, оставляя, после себя небольшие ранки и кровоточины. Сотрудником мужского пола был Крис Гордон. Его и отправили на переговоры с местными жителями.

Особо не мудрствуя, Гордон подошел к первой попавшейся калитке и, постучав по дереву, костяшками пальцев, окликнул хозяев участка.

– Здравствуйте! Есть, кто, дома?! – громко спросил он.

– Дома, дома. Уже иду. – Раздался мужской голос.

Вскоре к калитке вышел мужчина лет пятидесяти. Он с интересом взглянул на Гордона и поздоровался, без всяких фамильярностей.

– Здравствуйте. – Сказал мужчина, из-за забора.

– Здравствуйте. – Ответил Гордон.

– По делу или – в гости? – Поинтересовался хозяин.

– По делу. – Ответил Гордон и без обиняков спросил:

– У вас, говорят, здесь научно-исследовательская лаборатория где-то расположена? Так – это, или – не так?

– Это – так. Есть такое заведение. – Ответил мужчина. – Российское. Страшно секретное. Вы наверно хотите знать, как туда попасть?

– Да, хотелось бы. – Замялся Гордон, растерявшись, от определения «страшно секретная».

– Очень просто. – Сказал мужчина. – Поворачивайте в обратную сторону. Проедете по улице, повернете направо. Потом опять поворот направо и почти сразу – дом, по левой стороне. Калитки там нет в заборе. И целого куска забора не хватает.

Гордон хотел поблагодарить словоохотливого местного жителя и распрощаться, но тот продолжил:

– Начальником, у них – Ломако Иван Семенович. Он вроде на «Роскосмос» работает, но сам не из этого ведомства. Из ФСБ – он.

– Большое вам спасибо!

– От лица, американского народа, надеюсь?! – Серьезно спросил мужчина.

– И, от лица народа, и от себя, лично. – Сказал Гордон, шалея от собственной речи.

Мужчины кивнули друг другу, на прощание, и, когда Крис пошел к машине, белорус крикнул ему вслед:

– Сегодня, вы там все начальство застанете. К ним комиссия приехала из Москвы. Третий день, без просыху, пьют.

Когда Гордон, загрузившись, обратно, в машину, передал состоявшийся разговор сослуживцам, те задумались. Но не надолго.

– Едем. – Решила Хаттон. – Проверим, на всякий случай.

Искомый дом нашли быстро. Это была единственная усадьба, где не было калитки. На разведку, снова отправили Гордона.

– А! Будь, что будет! – думал он, заходя во двор.

На доме, у входной двери, висел кусок фанеры, на котором, от руки, было написано: «Роскосмос». Исследовательская лаборатория».

Постояв, немного, у вывески, Гордон, наконец, решился и проследовал в дом. Путь, во внутренние помещения, лежал через веранду, от края до края, уставленную пустыми бутылками.

– Это – очень по русски. – подумал он, про себя. – Прямо, как нас учили, на курсах, по славянским особенностям.

Внутри дома были люди. Людей было двое. Они сидели за столом и вели душевную беседу. Об этом свидетельствовала объемная емкость, стоящая на столе и неповторимый

натюрморт из закусок, живописно расположенный не только на тарелках, но и по всей поверхности стола. Один, из собеседников был в штатском, второй в военной форме. Военный был в чине полковника, с шевроном аэрокосмических сил России.

– Присаживайтесь! – Радужно взмахнул рукой штатский.

Полковник, что-то буркнул, подозрительно нахмутив брови, но общий тон бурчания не был угрожающим. Присаживаясь, на грубый, ручной работы, табурет, Гордон быстро оценил обстановку. Помещение, где он находился, было, скорее всего, кухней. Потому, что здесь находилась печь и газовая плита. Кроме этого, на лавке, у окна, стоял компьютер, а в углу находился сейф. Дверца сейфа была приоткрыта.

– По какому вопросу? – поинтересовался человек в гражданской одежде.

– Я, из фонда «Американ Прогресс». – Сказал Гордон и замер, ожидая реакции слушателей.

Те в свою очередь ждали продолжения разговора.

– Так! – Подбодрил американца, штатский, у которого был красный с синими прожилками нос.

– Мы проводим широкую исследовательскую компанию, с целью изучения отраслей местной экономики, требующих инвестиций.

Военный, снова пробурчал что-то неопределенное. Штатский, реагируя на этот невнятный тон, подцепил на вилку, кусок колбасы и вручил товарищу.

– Продолжайте. – Благосклонно кивнул он при этом, Гордону.

Собственно, на этом, у Гордона было все. Что говорить дальше он не знал. Его инициатива, как самого слабого звена, в команде, была скована, отсутствием полномочий.

Заметив растерянность, на лице гостя, штатский протянул к нему руку. Гордон, при этом, испуганно отпрянул, но вовремя пришел в себя, проявил выдержку и не бросился сломя голову, на выход.

– Позвольте представиться! – Крепко схватив американца, за руку, сказал гражданский. – Ломако Иван Семенович. Руководитель российской космической лаборатории. В российский космос, не желаете вложиться?

Гордон замаялся, но на его лице отразилась целая гамма переживаний. Ему, все еще, хотелось бежать отсюда, но носатый держал его за руку крепко. Лицо Гордона, в этот момент, говорило, лучше всяких слов:

– Вложится мы не против. Только с космосом у России, все, так, неопределенно. Непонятно – все, очень. Особенно – с дополнительными отверстиями.

Видя, нерешительность инвестора, Ломако взял инициативу, на себя.

– Для начала, надо выпить. – Сказал он, и, обращаясь к военному, спросил: – Мамай, пить будешь?

Ответ полковника прозвучал нечленораздельно. Только на этот раз, он не бурчал, а, как-то пробулькал, в ответ.

– Понял. – Сказал Ломако и стал разливать темную жидкость по стопкам.

Стопки, здесь были, солидные, не барные – вместительные. По тому, что налиты были, три штуки, Крис понял, что полковник решил выпить, вместе со всеми.

СРОЧНО! В ЗАСЛАВЛЕ, ПОД МИНСКОМ, ГУМАНОИД ТОЛИК СДАЛСЯ БЕЛОРУССКИМ ВЛАСТЯМ. РЕШАЕТСЯ ВОПРОС, О ЕГО ДЕПОРТАЦИИ НА РОДИНУ.

Спутниковая связь была, в машинах, у всех дипломатов. Они, через определенные промежутки времени, бегали созваниваться с посольствами, чтобы быть в курсе текущих мировых событий. Поэтому, срочная новость, из «НАССА», о том, что в Белоруссии упал метеорит, быстро стала всеобщим достоянием. Не смотря на устоявшуюся привычку, не делиться,

друг с другом, даже общеизвестными фактами, здесь никто не смог удержаться от обсуждения этого явления. Тесная обстановка кафетерия, не рассчитанного на такое количество гостей, располагала, к этому. Кроме того, общая неопределенность источила почти всех и подталкивала к более дружескому общению.

Дипломаты, сначала стали делать неопределенные намеки, по поводу достоверности освещаемых в «Интернете» событий. Потом, заговорили о метеорите открытым текстом. Белорусская сторона сообщения о метеорите не подтверждала, но и не опровергала. В новостях, местного телевидения, эту тему озвучили, и – все. Никаких комментариев не последовало. Оживленный обмен мнениями, об угрозах, которые несут космические тела, всему человечеству, был прерван появлением Рамона Веги, из Доминиканской республики. К дипломатическому корпусу, Рамона, можно было отнести с большой натяжкой, он был почетным консулом, этой островной республики. Основным его занятием, было ведение туристического бизнеса, небольшого, но довольно прибыльного. Неискушенный в хитрых дипломатических ходах Вега, заявил с самого порога:

– Де Люк и Макензи, в лес пошли.

В кафетерии стало тихо. Потом, серб, Живко Чосич спросил:

– В каком смысле – в лес?

– И, как понять – пошли? – Поинтересовался финн Матти Виртанен, третий секретарь посольства.

– Обыкновенно пошли. – Сияя от радости, что ему удалось удивить присутствующих, сказал доминиканец. – С ними, еще женщина пошла.

– Может, кто-то, мне скажет, кто они такие? – Огляделся, по сторонам, мальтиец Аттард.

– Это старожилы местные. – Пояснил ему и другим несведущим Виртанен. – Они – по коммерческой части. С прошлого года, здесь сидят.

– Что, просто, так и пошли? – Недоумевал азербайджанец Керимов. – Я точно знаю, что в лес, тут, только в защитной одежде, можно.

Тут, вопросы, на Рамона посыпались градом.

– Они, как выглядели? Может, зеленые были. С каким цветом лица, они передвигались?

– Женщина, что с ними была – молодая?

– Просто так, шли или по делу? Как вам показалось?

– Они обычно пошли. – Стал отвечать доминиканец. – Своими ногами. Цвет лица – обычный. Женщина – среднего возраста. Разговаривали, смеялись. Корзинки в руках несли. Будто на пикник шли.

– Может, они лечиться пошли? – Подал голос болгарин Стоянов, из укромного уголка, куда забился сразу, по приезду. – Я слышал, что, здесь, такое бывает.

– Бывает. – Иронично глядя на Стоянова, сказал грузин Гуладзе. – Только, если лечиться идут, то идут целеустремленно. Не остановишь, никакими силами. Я, тебе, точно говорю! Я в прошлом году наблюдал такое перемещение, когда твой земляк Ананич уходил. В лес идут, в состоянии аффекта. Как контуженые. Не смеются и продукты, с собой не берут. Наверно, сразу переходят на подножный корм.

– Что—то, душновато, здесь стало. – Вдохнул атташе из Венесуэлы, Антонио Санчес.

– Да. – Покрутил носом Хагай Леви. – В магазин сходить, что ли? Не знаете, тут, продают кошерное?

Остальные, тоже стали выражать сожаление, по поводу, своего сидячего образа жизни. Всем захотелось размяться.

Вскоре помещение опустело. На месте остались, только чех Ходинский и болгарин Стоянов.

Ходинский размышлял, куда мог деться его неверный товарищ Гонсалес.

У Стоянова, в голове крутились более проблемные мысли. Дело в том, что он, как отправился позавчера, преследовать белорусскую транспортную автоколонну, с загадочным грузом, так, только этой ночью вернулся обратно. Причем, возвращаться пришлось издалека. Аж, из-под Полоцка. Как он, там оказался, Стоянов не мог понять. Самое главное – спидометр накрутил почти тысячу километров. Это говорило, что он объездил полстраны. Однако где он побывал, с какими культурными достопримечательностями ознакомился, было неизвестно. Он вообще не понимал, чего его носило по Белоруссии. Последнее, что он помнил, было – окраина Погорельцев, босоногая девушка, сидящая под кустом. Потом, сразу, бац – Витебская область!

Сегодня приехав, в коммерческий центр, он стал осторожно интересоваться своими попутчиками. Теми, с кем он начал преследование. Хорошо народу в кафетерии было много, и шла постоянная ротация. Одни уходили, другие приходили. Поэтому Стоянов, мог, не привлекая внимания интересоваться, не видал ли, кто случайно Пихлера, Ковача, Санчеса, Аламейду, Келли, Кенига и Барнабаса Ксенакиса. В каждом отдельном случае он интересовался одной фамилией, поэтому, проведенный опрос, никого не насторожил. В ходе опроса, выяснилось, что сегодня их никто не видел. Кое-кого, точно не было и вчера. Некоторые фамилии были под вопросом, но было ясно, что весь списочный состав, непонятным образом прогуливает, важнейшее мероприятие. Полученные данные, будили в голове у Стоянова различные мысли. Все они носили хаотический характер, и ни одна из них не была настолько разумна, чтобы от нее можно было оттолкнуться и выстроить логическую цепочку происхождения.

В самый напряженный момент, когда Стоянов подошел в своих рассуждениях, к последней черте, за которой маячила перспектива нервного срыва, дверь кафетерия открылась, и вошел британец Келли.

Осмотрев пустое помещение, подданный королевства, пошел брать кофе. Наполнив чашку, он еще раз осмотрелся. Было видно, что ему хочется пообщаться, для получения необходимой информации. Выбирать Келли приходилось из двух вариантов: Стоянов или Ходинский. Однако Ходинский сидел с таким выражением, на лице, словно замышлял убийство; причем – не простое, а с отягощающими обстоятельствами. Поэтому, Келли, направился к Стоянову.

– Привет. – Сказал он присаживаясь. – Я ничего не пропустил?

– В каком смысле? – Прищурился Стоянов.

– Занят был вчера. – Беспечно сказал британец. – Но по слухам ничего примечательного не случилось.

– Так! – Мысленно насторожился Стоянов. – Этого, точно, вчера не было. Он один у меня был, под вопросом. Интересно, где он пропадал? Может, колонну сопровождал, а теперь решил поиздеваться?! Или не сопровождал? Глаза подозрительно стоят, в одну точку. Интересно – если его спросить напрямую, что скажет?

БЕЛОРУССКАЯ ЦЕНЗУРА ЗАПРЕТИЛА ВИДЕОЛИК, С НЛО, НАД МОЛОЧАЕВКОЙ.

В это утро, Молочаевка напоминала первозданный хаос, из которого, потом, появились всевозможные боги. Население даже прибалдело от метаний атташе, торговых представителей и почетных консулов, по деревне. Даже Галина Константиновна отправилась на ревизию своего хозяйства, не с рассветом. Заинтересованная происходящим, она, сразу, сходила к сельсовету и обсудила, в кругу односельчан, переизбыток, в населенном пункте, транспортных средств и интенсивность движения по деревенским улицам.

Прадед, который, заявился на конспиративную квартиру, с целью, проводить полковника Фирсова, на новую строительную площадку, высказался по этому поводу, так:

– Неразбериха, как на первомайской демонстрации времен развитого социализма. Тогда, что творилось, перед тем, колонны перед партийными трибунами пройдут – не передать! Один трудовой коллектив идет в одну сторону, другой – в другую. Бегают люди с мегафонами, разворачивают колонны, направляют их обходными путями, потому, диспозиция была составлена неверно. Ответственные товарищи бегают, отставших ищут. Возле каждого магазина плакаты стоят, потому, что с плакатом не зайдешь. Так половина, этого добра, и оставалась, возле торговых точек. Люди бутылку возьмут и на обратном пути, транспарант не забирают. На кой, он им, теперь, сдался! Так и оставалась половина лозунгов, возле магазинов. Правда, недолго они, там, стояли. На лозунги товар первосортный шел, качественный. Потом этой фанерой люди гаражи оббивали, на дачах использовали. Только надписями – к стенке, чтобы не одуреть, от этой галиматии.

Вернувшись, Галина Константиновна сообщила Прадеду и полковнику Фирсову, которого, на людях называла Александром Анатольевичем, что дипломаты носятся, как шаленые и, что дела у Раисы Петровны пошли.

– Не успевает продукты подвозить. Касса не закрывается, к концу дня, от выручки. А, я дела оставила, разявилась, на этот переполох, словно шпионов, сроду, не видела. А дела стоят. Хозяйство без глаза.

– Большое, у вас, хозяйство, Галина Константиновна? – Поинтересовался Фирсов, таким тоном, словно готов был, незамедлительно взять в руки вилы и придти, на помощь.

– Ну, как сказать? Большое – не большое, а полсотни человек, под собой, имею.

– Понятно. – Покивал головой Фирсов, хотя было ясно, что ему, стало еще непонятнее, чем в начале разговора.

Отправившись в путь с Прадедом, он долго обдумывал ответ, Галины Константиновны, в котором была явная неопределенность, а потом спросил, у Прадеда:

– Михаил Степанович, я не понял, это на одном предприятии, у Галины Константиновны, столько людей работает, или на нескольких? Если не секрет?

– Не секрет. Вот вечером, сам, у нее, спросишь. – Хитро подмигнул полковнику Прадед.

– Ладно, не хандри! – Сказал Михаил Степанович, ощутив смущение, в душе Фирсова. – Просто, у нас, теперь, хозяйство, по людским головам считают, а не по количеству свиноматок. Теперь у каждого на селе ферма есть, а то, и – две. Теперь, у кого больше паробков, тот и хозяйственнее будет.

– Работников, вы имеете в виду? Рабочих, технический персонал?

– Персонала, у нас, не наблюдается. Я, же сказал – паробки. Те, кто у Гали, под рукой ходит. Не все, же у нее работают. Многие свое хозяйство имеют, но все равно, под ее началом числятся.

– Немного, непонятно.

– У, нас, по деревням, теперь, народу прибудного нет. Раньше, на заре эволюции, хватало. Кого, тут, только, не было. И – луганские, и – донбасские, и – крымские, и – всякие, всякие. Теперь, не так. Теперь – порядок навели. Теперь, у нас – все зарегистрированы.

– Официально?

– Кто, же, их, официально регистрирует. Они, же – иностранные граждане! Половина – без документации. Жить, то, как-то надо, вот и идут, под крыло, к хозяевам. Работу получают, жилье, социальную помощь, в виде лечения.

– Так, они, получается – как крепостные?

– Крепостных, в Белоруссии, сроду, не было. В Северо-Западном крае, во времена российской империи, наблюдались. Но не долго. Не успели народ поломать. А, этих, современных, у нас, по-разному называют. Где-то – трибунариями, где-то – приживалами. А, у нас – вилланами и паробками. Их, ведь, никто не держит. Не хочешь, жить, по местным правилам – скатертью дорога. Только куда идти? Дуракам, у нас – одна дорога. Только в город. В городе,

таких на самолет сажают и отправляют в родные края, если иностранцы. Если наши – на сельскохозяйственные, под конвоем. Несамостоятельные, конечно, долго не задерживаются на селе. Но, те, у кого в голове, хоть что-то есть, те обживаются.

– А, отношения, у таких, с Галиной Константиновной, каким образом складываются?

– По договору. По устному соглашению. Она берется, им, покровительство оказывать, а они – по-разному. Кто – отработывает, кто – частью прибыли делится.

– Галина Константиновна, их крышует, получается?

– Когда крышуют – сами приходят и говорят: «Мы – ваша крыша. Плати, а то здоровье отнимем». А, к хозяевам люди сами идут. Приходят и под руку просятся.

– Да, интересно...

Открывшиеся обстоятельства породили в душе государственника Фирсова, противоречивые чувства. С одной стороны, он негодовал, что на селе творится, не пойми, что. С другой стороны, процесс адаптации к местным условиям, у него, уже пошел. Полковник, очень смутно, но понимал, что одними трудовыми отрядами, прущее, как тесто, на дрожжах, сельскохозяйственное хозяйство не поднимешь, что все держится на таких людях, как Галина Константиновна и подобных ей. На людях, которые остались на селе и несли тяжелую ношу эволюционной перестройки в агросекторе. От подобных торжественных размышлений, Фирсов окреп духом и к лесу подошел в хорошем настроении.

ПРИШЕЛЬЦЫ НЕ ДАЮТ ПОКОЯ МКС, ПОСТОЯННО СПРАШИВАЮТ ДОРОГУ, НА МОЛОЧАЕВКУ.

После первой стопки, местного самогона, который оказался очень недурен, Гордон немного расслабился и решил, что поскольку является жертвенным тельцом, пить ему не возбраняется. Даже наоборот. Это его прямая обязанность – лечь на амбразуру, ради общей цели, ради положительного исхода, их миссии.

– То есть, вы в принципе готовы к сотрудничеству, с нашим гуманитарным фондом? – спросил агент.

– На сотрудничестве мир держится. Без кооперации, сейчас – никак. – Сказал Иван Семенович. – Вы, на какой основе, желаете скооперироваться?

– А, что вы можете предложить?

– Мы можем предложить свою интеллектуальную собственность. Знания, короче. С вашей стороны, потребуется эту информацию оплатить.

– Сколько? – Спросил Гордон.

– Для демонстрации намерений, стодвадцать тысяч. А, дальше будем смотреть.

– Договор нужно будет заключить. Для корпоративной отчетности.

– Это, мы не против. Правда, Мамай?

Полковник буркнул, что-то нечленораздельное.

– Вот, и полковник Мамай говорит, что тоже распишется.

Деньги, у Сесилии были. Это Гордон знал точно. Однако, его попытку, сразу отправиться, за деньгами, Ломако пресек в зародыше.

– Пока не выпьешь, никуда не пушу. Пей! А, то – договор подписывать не буду.

Когда Гордон, наполняя кабину машины винными парами, изложил руководству, ход переговоров, Сесилия Хаттон, согласно кивнула и выдала ему бланк договора и двадцать тысяч, столетними купюрами.

Вернувшись обратно в хату, резидент подписал договор и вручил Ломако деньги.

Перебирая их, «феэсбешник» вдруг насторожился и сказал:

– Франклин, тут – какой-то странный. Никак не пойму.

– Это не Франклин. – Сказал Гордон. – Это – Андреа Дворкин. Мы теперь, на стодолларовых купюрах, ее портрет печатаем.

– Ее? Это же – мужик какой-то.

– Это Андреа Дворкин, женщина, видный деятель Великой Феминистической Революции. – Бодро сказал Гордон, хотя, в душе, согласился, с Ломако, что Дворкин сильно смахивает на Франклина, и, вообще, на мужика.

– Не, так, дело не пойдет. – Сказал Ломако, придвигая к себе договор и отодвигая деньги. – Или привозите мне Франклина, или сумму в евро. Тогда и будем разговаривать. А этого, непонятно, кого, мне не надо.

НОВЫЙ ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС В МИНСКЕ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОРИОНА И АЛФА-ЦЕНТАВРА ПЫТАЮТСЯ УСТАНОВИТЬ ЛИНИЮ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НА МЛЕЧНОМ ПУТИ.

Атташе по культуре, болгарского посольства решил пойти на провокацию и задал Томасу Келли, такому, же, атташе, только, из Великобритании, вопрос:

– Ты почему, за колонной не поехал?

Томас британскую невозмутимость не утратил, но прежде, чем ответить, закурил.

– Возникли непредвиденные обстоятельства. – Сказал он. – Срочно вызвали, по делу.

– Куда?

– Наверно, туда, же, куда и тебя. Ты, вчера, откуда приехал?

Вместо ответа, болгарин спросил:

– Остальных, я, тоже, не видел. Здесь, по крайней мере. Ты, про них, что-нибудь слышал?

Келли подумал, прежде чем ответить.

– Давай – так. – Сказал он, выдувая дым от сигареты, в сторону Ходинского. – Ты рассказываешь, где был. Я рассказываю, куда ездил. Потом попробуем обсудить интересующие, нас вопросы.

Стоянов немного подумал, хотя решение, как поступить, принял сразу.

Времена, когда болгарская разведка, наравне, со «Штази» и русскими проворачивала дела, давно прошли. В былые времена, болгары замахивались, даже, на папу римского. Теперь, оказавшись под крылом Брюсселя, болгарская служба безопасности уверенно деградировала и, в данный момент, находилась на нижней точке, этого процесса. Британцы, наоборот твердо хранили свои традиции, в сфере шпионажа. Жители островного государства уважительно относились к своим «ми». Поэтому их спецслужбы не испытывали нужды в финансировании и, по-прежнему функционировали, как хорошо отлаженный механизм. Нужно было соглашаться, с предложением. Тем более что Келли не загонял его в угол, а предлагал сотрудничество, которое могло перейти в тесные отношения.

– Я, под Витебском, очнулся. – Сказал Стоянов. – Больше ничего не помню.

– Все?

– Все!

– Я, в Гродненской области, очутился. Тоже не знаю как. У меня, тоже – все.

– А, остальные – как? Не знаешь?

Келли прищурился.

– Ван де Верт, сегодня рано утром, откуда-то явился небритый и немытый. Кажется, до конца у меня уверенности нет, Кениг и Пихлер, нашлись ночью, сейчас наверно отсыпаются. От Аламейды и Ксенакиса – ни слуху, ни духу, выражаясь русским языком.

– В Болгарии, тоже так говорят. Ты девушку помнишь? Которая, у дороги, сидела.

– Помню. Она, мне, тогда, показалась немного странной. А, тебе?

– Тоже. Только, не в этом дело. Дело в том, что она у меня, из головы, не выходит. Я, до нее, все помню. А после нее – провал.

– У меня – то, же, самое. – Признался Келли. – Только, надеюсь, ты не думаешь...

– Думать не думаю, а в голову лезет. Ты проверялся? Я, тоже, проверился. Все – в норме. Отравления нет.

– Нужно больше информации. – Сказал Келли. – Думаю, надо опросить остальных. Ты, как считаешь? Подождем, что они скажут. Только, давай информацию, про девушку придержим. На всякий случай.

Между, тем, кафетерий вновь, стал наполняться. Дипломаты, успели съездить, в поле, за Погорельцами и полюбоваться на опушку леса. Картина была странная. Около двух десятков автомобилистов, стояли возле своих машин и бездумно пялились в одну сторону. В той стороне ничего не происходило. Тихо шумел лес, хотя с того места, где остановились приехавшие, этого слышно не было. По небу проплывали белые облака, временами заслоняя стоящих истуканами специалистов, по культурным связям, от солнца.

Наконец, всем это надоело, и они стали рассаживаться по машинам. Только сели, только завелись – приехали еще две машины. Их владельцы, были опознаны, как представители коммерческих структур, арендующие площади, в местном бизнес-центре. Это были: Джон Коллинз, из «ЦБК Компани Лимитед», и Поль Ребур, из «Холидей Компани».

Те, кто успел завестись, выключили зажигание. Коммерсанты приехали не одни, а с пассажиром. Из машины Коллинза, вылез бодрый светловолосый дядька, который стал что-то говорить, для убедительности, размахивая руками. Не задерживаясь, все трое пошли в сторону леса. Дипломаты снова вылезли из машин и провожали их, настороженными взглядами. Когда троика скрылась в лесу, последовало очередное, длительное созерцание опушки леса.

Первым не выдержал горячий Гуладзе.

– Черт, те, знает, что! – Чертыхнулся он, сел в машину и уехал.

Вслед за ним, с небольшими промежутками, отъехали и остальные.

Прибыв в точку сбора, участники рейда, отбросив дипломатические увертки, стали, открыто обсуждать происходящее.

– Меня сто раз предупредили: «Не суйся в лес, ни под каким видом»! Только, в виде экскурсии, в сопровождении сотрудников лесного департамента. А, тут – кто попало, оказывается в лес ходит. – Возмущался Гуладзе.

– А, ты, чего, тогда, не пошел! Взял бы и сходил! – Предложил Леви.

– Сам бы, и, сходил!

– Я не могу. У меня – мама, дома, осталась.

– И, у меня – мама. И – папа.

Тут, на Гуладзе, что-то нашло, и он схватился за голову.

– И, как я посмотрю в глаза отца?! Что он скажет? Скажет: «Нодарик, ты, почему в лес не пошел? Испугался»? Что, я, ему, отвечу?

Все это было произнесено, таким тоном, после которого, начинают рвать, на себе, волосы, вместе с луковицами. Однако Гуладзе портить прическу не стал, только сокрушенно помассировал черепную коробку.

– Может, они, тут, адаптировались? Они, в этой аномалии – с прошлого лета. – Высказал догадку Абдалай Абдуллаев, атташе, из Казахстана.

– Непонятно, чем они, тут, вообще, занимаются. – Раздраженно сказал швед Карлсон. – Предприятий, здесь – никаких. Товарооборот несущественный. Чего, здесь, торчать?!

– Вполне возможно, что мы чего-то не знаем. – Заметил финн Виртанен. – Может они вступили, в контакт и тщательно скрывают это.

– В контакт – с кем? – Фыркнул Карлсон. – С инопланетянином Константином? У которого татуировка – на руке?

В этот миг, в кафетерий, стрелой влетел доминиканец.

– Телевидение приехало. – Задыхаясь, сообщил он. – Какой-то репортаж, про убийство снимают!

Толпа бросилась, на выход.

НА ПЕРЕСАДОЧНОЙ СТАНЦИИ ГУМАНОИДОВ, В МОЛОЧАЕВСКОЙ АНОМАЛИИ, НАЧАЛОСЬ ВОЗВЕДЕНИЕ НОВОГО ТЕРМИНАЛА.

Съемочная группа белорусского телевидения расположилась неподалеку, от загадочного объекта, на краю ямсового поля. Даже присутствие, в прошлом году, двух бригад центрального телевидения, из России, не вызывало, у местного населения, такого ажиотажа. Народу поглазеть, на это мероприятие сбежалось столько, что дипломаты вынуждены были побросать машины, на дальних подступах, и пробираться к месту съемки, в густой толпе.

Каждому, пробившемуся, в передние ряды, открывалась привычная картина, которую все уже видели и в кино, и наяву. Один мужик стоял с прожектором, другой с микрофоном. Камера была установлена на треноге, и оператор внимательно разглядывал, через нее бескрайнюю ширь плантации. У открытой двери микроавтобуса стояла девушка в милицейской форме. Ее прихорашивала большой кисточкой еще одна девушка, в рваных джинсах. Странно было только, то, что рядом, еще одна девушка, в целых джинсах, прихорашивала четвертую девушку. В четвертой дипломаты без труда узнали ведущую программы «Добрый ветер» Наталью Барановскую, ту от которой зажигались сердца у мужской части населения страны, и она, эта часть, когда рассказывали про погоду, прилипала к экранам, хотя подробную сводку, об осадках и похолоданиях, на месяц вперед, можно было получить в «Сети».

Вторая девушка, в форме, приятная, но не столь сексуальная, часто появлялась на экране, зачитывая сводку состоявшихся за день преступлений. Иногда она делала это, выезжая на место события. Всем, сразу стало понятно, что в заданном районе, было совершено громкое злодеяние, которое вызвало большой общественный резонанс, и это происшествие осветят в очередном выпуске криминальных новостей. Какое отношение к свершившемуся злодеянию имели погодные условия, оставалось загадкой.

Подготовка к съемкам затягивалась. Было видно, что телевизионщики чего-то ждут. Вскоре этот вопрос разрешился. Сквозь толпу, под одобрительный гул, протиснулся Прадед с клюкой в руке. Сегодня у него в руке была именно клюка, загнутая, на манер жезла друидов, а не обычная палка. Когда Михаил Степанович вышел на свободное пространство, бородатый руководитель съемочной группы, окончил свою увлекательную беседу, с местным участковым, и вышел ему навстречу.

– Ну, как, вы, Михаил Степанович, готовы?

– Готов, к труду и обороне! – Бодро провозгласил Прадед. – Готов, так, же, раскаться и ответить, по всей строгости закона.

Первой выступала девушка в форменной одежде. Было видно, что в подобной обстановке она работает впервые. Мало того, что деревенские мужики, сбежавшиеся с полей, выглядели не очень авантажно, так вдобавок, ко всему, в толпе шныряли откровенные хмыри, потрепанные и месяц небритые. Наличие одинокого участкового, не придавало представителю пресслужбы МВД уверенности, в собственной безопасности, и она сильно волновалась. От этого ее большие глаза раскрылись еще шире, и в камеру она говорила, с заметным напряжением.

– Из поступивших сегодня сводок, о происшествиях, в сельской местности, следует выделить одну. На имя участкового Молочаевского сельсовета, Виктора Марченко поступило заявление, о сексуальных домогательствах. Заявление подала гражданка США, Сесилия Хаттон. По ее словам, ей было нанесено оскорбление, в грубой форме, со стороны жителя деревни Молочаевка, назвать имя которого, до окончания разбирательства, мы не можем.

Бородатый Калюнов сказал: «Стоп»! Девушка вышла из кадра. На ее место заступил капитан Марченко, которого перед съемкой, тоже, припудрили.

Из толпы слышались голоса.

– Давай, Анатолич – жги!

– Теперь, когда прихорошили, можешь космонавтам стрелку забивать!

Участковый подтвердил слова представителя пресс-службы, только другими словами. Было сказано, что – да, заявление поступило, разбирательство ведется, вопрос о возбуждении уголовного дела, пока не стоит.

После Марченко, перед камерой, встала Наталья Барановская. Гул одобрения пронесся, по толпе. Призывно глядя, в камеру, Барановская заговорила.

– Специально, для программы «Тревожная точка». – Напряженно глядя в камеру, сказала она. – Совершенно случайно, наша съемочная группа, оказалась в районе деревни Молочаевка. Здесь нам стало известно о преступлении совершенном в ее окрестностях, и, что это дело вызвало широкий общественный резонанс. Имеются в виду, обвинения выдвинутые, против местного жителя, гражданкой США, Сесилией Хаттон. Мы решили подробнее разобраться с этой ситуацией и побеседовали с подозреваемым. Камера повернулась, и в кадре появился Прадед.

– Михаил Степанович, что вы можете сказать, по поводу выдвинутых, против вас, обвинений.

Прадед смотрелся, в кадре, великолепно. Он стоял, тяжело опираясь, на клюку, седой и сторбленный. Сторбленный не тяжестью обвинений выдвинутых, против него, а грузом, прожитых лет. Перед съемкой, он одел, на себя какую-то непонятную, штопанную во многих местах, домотканую свитку. Позже, еще говорил, что хотел обуться в лапти, но посчитал, что лапсердака будет достаточно, что, с обувкой, будет перебор.

– Что говоришь, милая? – Приложив руку, к уху, переспросил Прадед.

– Я, говорю, по поводу обвинений, что скажете? – Негромко, но в самое ухо, сказала, ему, Регина.

– Ага! Понял! По поводу, каких обвинений?

– Обвинений в сексуальных домогательствах.

– Да, доченька, в сексуальных – я силен! Могу тряхнуть. Так, о чем речь-то?

– Обвинения против вас выдвинуты.

– Да, что, ты, говоришь!

Беседа таким порядком, продолжалось бы долго, если бы на помощь Регине, не пришел участковый. Марченко стал рядом с ним и, постучав по папке, пальцем, сказал:

– Я, вам, говорил. Женщина на вас жалуется.

– Да, неужто?! – Удивился Прадед.

Тут, он вспомнил, о временных рамках передачи и, опомнившись, вышел, из неосознанки.

– Ага, припоминаю. Баба в лес пошла и притомность потеряла.

– Говорят, вы ее домогались. – Сказал Марченко.

– Детишки прибежали, говорят – беда. – Не сходил, со своей волны Прадед. – Тетка, под проволоку, залезла. Я и пошел. Благо рядом был. Пока пришел, она вся поросла. Травой ее опутало.

– Присутствовал ли факт сексуальных домогательств, пока она находилась в беспомощном состоянии? – Настаивала, со своей стороны, Регина.

– Паренек, со мной был. Не помню – кто. – Продолжал, о своем, Михаил Степанович. – Он говорит, может это и не человек вовсе. Почему – спрашиваю. Он говорит, что то, что лежит странно выглядит. Мужик, говорит, а – с сиськами.

– С грудью, вы имеете в виду. – Поправила его Регина.

– Паренек этот, в прошлом году, телевизора российского насмотрелся, когда про инопланетян рассказывали и в голове, у него – гладко. – Продолжил Прадед. – Я сомневаться начал. Может, в самом деле, думаю – инопланетянин. Решил посмотреть, что за диво, такое. Посмотрел, все досконально обследовал. Оказалось – лицом мужик, а тело бабское, с натяжкой.

– Почему – с натяжкой?

– Несовершенное какое-то. Будто недоделанное. Как у современных звезд Голливуда. Но все равно, убедился, что это – человек. Хотя и странный. Пришлось спасать.

– Значит, это были не сексуальные домогательства, а гендерные исследования?! – Лукаво глядя в камеру, спросила Регина.

– Вот-вот, внученька! Все правильно. Все – с научными целями. Чем, бог не шутит. Вдруг бы свершилось! На инопланетянина напоролся бы.

– А, инопланетянина, вы бы стали спасать?

– Конечно, красавица! Только сам – ни-ни. Специалистов бы вызвал. У тех ведь надо предварительно анализы взять и все такое. Космическая чума, сама знаешь!

– Скажите, Михаил Степанович! Вы так хорошо в этом разбираетесь. Откуда?

– Опыт, милая.

– А сколько вам лет дедушка?

– Сто год, только недавно минуло.

В этом месте, интервью закончилось, на Прадеда, из кадра, не убрали. Пока Регина говорила об идущем разбирательстве, о компетентности местных правоохранительных органов, он стоял в рамке и, то прикладывая руку к уху, чтобы лучше слышать, то тяжело вздыхал и тер рукой поясницу. В телерепортаже несколько раз, было особо отмечено, что обвинения американкой выдвинуты против столетнего дедушки. Чего, только в жизни не бывает, конечно, но выглядит это странно.

Выступление Прадеда вызвало у односельчан глубокое удовлетворение. А на иностранцев произвело впечатление, просто неизгладимое. Они были просто, в восторге, поскольку десантная группа феминисток из Америки, достала, уже, всех, без исключения, своим половым высокомерием и необоснованными претензиями. Разведгруппа ЦРУ постоянно давила на психику, дипломатов, вызывая своим появлением в бизнес-центре, падение деловой активности и возрастание тяги к пространственным размышлениям. Поэтому сообщения об обвинениях американки, против столетнего старца, разлетелись во все концы света, с мелочными подробностями.

АВАРИЙНОЕ НЛО УЖЕ ДВА ДНЯ ОПАСНО МАНЕВРИРУЕТ В УЗДЕНСКОМ РАЙОНЕ БЕЛАРУСИ.

Медик вернулась на корабль, после обеда. После того, как экипаж, насытился стандартным корабельным обедом. До прибытия на корабль, не желая давиться блюдами из водорослей и лишайников, девушка, с удовольствием откушала, с Заслоновым, в уютной агроусадьбе, на окраине Узды. Мало того на обратном пути, они заехали в заведение местного общепита, где продавали еду на вынос. Там Заслонов, приобрел еды про запас. В качестве дара, космопроходцам, от гостеприимных землян. Поднявшись на борт, Медик сразу получила сигнал вызова от Доктора.

– Зайдите в лабораторию. – Сказал он. – Надо, кое-что обсудить. По нашей тематике.

Она так и пришла в лабораторию, нагруженная сумками и коробками.

– Это – что? – Вытащил глаза Доктор.

– Образцы. Зачем вызывали?

– Посоветоваться надо.

– Внимательно слушаю. – Сказал или сказала Медик, элегантно присаживаясь на стул.

– Хочу, предварительно посоветоваться в узком кругу. – Сказал Доктор, смущенно откашливаясь. – Дело в том, что возникла чрезвычайная ситуация.

– В каком смысле? – Грациозно склонила голову Медик.

– В эпидемическом. – Сурово сказал Доктор.

Медик вопросительно подняла брови.

– Никаких признаков проникновения на корабль чуждых жизненных форм не наблюдается. – Сказала она. – Все – в норме.

– Все в норме потому, что чуждые формы, присутствуют скрыто. Внутри членов экипажа. Вот система и не реагирует.

– Поподробнее, если можно. – Сказала Медик.

– У всех выходивших в земное пространство в голове поселились микроорганизмы. Конкретнее – внутри головного мозга. Образовались колонии бактерий. Обширные. В медицинском понимании.

Сказав это, Доктор пощипал себя за ухо.

– Только – у выходивших? – Задумчиво спросила Медик.

– В том-то и дело! Не только у выходивших. Небольшие колонии присутствуют у всех.

– Все проходили дезинфекцию. Потом восстанавливались! – Не теряя хладнокровие, пожала плечами Медик. – Внутри модулей, члены экипажа подвергались вторичной более углубленной обработке. Как, такое, возможно?!

Доктор, снова, развел руками. На этот раз – бессильно.

– Это как-то сказывается на здоровье потерпевших? Вы наблюдали?

– В том-то и дело, что – никак. – Сказал Доктор. – Все физиологические и психические реакции в норме. Общее сканирование, так, показывает.

– Вывести эти колонии, из мозгов, можно?

– Можно. – Сказал Доктор. – Но, только, вместе с основными сегментами мозга. Я прикинул, что если эти сообщества ликвидировать, мозг превратится в кашу.

– Не беда. – Сказала Медик, коварно улыбаясь. – Запишем сознание на матрицу. Заразу ликвидируем. Потом, перепишем все заново. Все возродятся в обновленном варианте. С новым мозгом. С чистой тягой к познанию совершенства.

После этих слов Медика, Доктор отчетливо приуныл

Давным давно, сразу после наступления Полной Гармонии, с мозгами граждан обращались весьма вольно. Тогда считалось, что восстанавливать изуверченное тело не имеет смысла. Это было сложнее, чем клонировать новое тело с чистого листа. Поэтому всех, сильно пострадавших, клонировали поголовно, а сознание восстанавливали по хранящейся в Библиотеке Эстетики, матрице. Обоим, было хорошо известно, что после восстановления, в обновленном варианте, с клонированным мозгом, гражданин превращался в ясное и светлое создание, которое раздражает даже самых стойких, от природы, приверженцев политкорректности. Программа полной перезагрузки была составлена, так, что дефективные элементы сознания блокировались полностью, а высокие нормы Гармонии заполняли освободившиеся пустоты. Возрожденный член общества, после этой процедуры, следовал всем без исключения положениям Декларации, приводя окружающих в полное смятение, своими постоянными нравоучениями и одергиваниями. Те, у кого мозг оставался своим, нетронутым, кого восстанавливали, те постепенно приходили в себя. Из глубины подсознания приходили тормозные реакции. Полностью же, переписанный, на чистые мозговые извилины, гражданин, навсегда оставался мелочным назойливым прилипалой. В свое время, чтобы избавиться от этого тихого ужаса, полностью переписанных стали направлять в качестве Корректоров на корабли глубокой разведки. Корабли, чьи экипажи были укомплектованы подобным образом, ушли в глубины космоса и больше не вернулись. Что с ними стало, никто не знал. Об этом, как принято в толерантном обществе, вслух не говорили. Но мысли у всех были разные. Одни думали, что экипажи,

погрузившись в анабиоз, отказывались из него выходить. Другие предполагали, что было совершено массовое самоубийство. Самые пессимистически настроенные некорректно думали, что на корабле было совершено убийство и их экипажи боятся возвращаться обратно.

В связи с многочисленными потерями летательных аппаратов и напряжением в общественном сознании, от такой практики корректорства отказались. И переписывать полностью граждан стали, только в исключительных случаях. Перегруженных на нанайском жилом кольце стало меньше, но все равно хватало. Тем более что один энтузиаст последовательного исполнения норм Декларации, мог испортить жизнь, десятку тысяч обычных граждан. Тогда было принято решение отправлять блюстителей прямолинейности миссионерами на дружественные планеты, где сохранилось население. Это начинание оправдало себя. Блюстители морали, прониклись идеей и, в массовом добровольном порядке, отправились просвещать туземцев. Туземцы, конечно, отнеслись к этому со свойственной дикарям непримиримостью. Миссионеров стали мочить повсеместно. Политработников протыкали копьями, дробили им головы дубинками, сбрасывали со скал, расстреливали из разных видов дистанционного оружия. Короче лишали жизни всеми возможными способами. Христианские мученики, обзаводились бы многообразием методов, при помощи которых современных проповедников лишали жизни. Но нанайские представители подбирали бранные останки и восстанавливали своих граждан по новой. Туземцы, всех форм жизни, были в шоке. Только вчера подлеца кокнули, а сегодня он, снова, зудит под ухом. Видя, что доставалы, каждый раз возрождаются, как феникс из пепла, аборигены приуныли. Кроме того, с просветительскими беседами, к ним стали приставать, уже в массовом порядке. На головы исконных обитателей стали валиться многочисленные комиссии и трибуналы. Плюс ко всему стала ограничиваться гуманитарная помощь. Но обитатели хоть и приуныли, но не отчаялись. По развивающимся планетам прошла информация, что если нудного придурка уничтожить без остатка, он возрождается не сразу. Есть время перевести дух. Миссионеров стали лишать жизни, разделять и уничтожать останки. Правда, это тоже не сильно помогло. Гад материализовывался словно ниоткуда. Дело было в том, что на этом этапе, туземцы, не знакомые с генетикой, действовали примитивно. Убиенного нудиста сразу разбирали на части и после этого уничтожали. На каждой планете существовали свои традиции, для подобных случаев. Где-то миссионеров сжигали, где-то съедали, а где-то закапывали в землю. В некоторых местах, кусочки тела разбрасывали по максимально большой территории. Потом оказалось, что этих сволочей восстанавливают по капельке крови подобранной с земли. Аборигены приуныли сильнее. Очередная печальная пауза, в примитивных сообществах царил, до той поры, пока, не просочилась информация с планеты Кукуля. На планете Кукуля, ораторов не только мочили, но и замачивали. Замачивали их в бочке с рассолом. Перед церемониальным скармливанием гургулакам. Для лучшего усвоения, тяжелой пищи, домашними питомцами. Еще живого пропагандиста сажали в ритуальную бадью с рассолом. Там он, и умолкал навсегда. Но, даже корчась в судорогах, поборник неограниченной толерантности продолжал свое вещание. Гургулаки не только съедали гада, но и выпивали рассол, без остатка. Оказалось, что после этой процедуры, старые типы возвращаются редко. На их место заступают новые. С Нанайи присылают другого, но через значительный временной отрезок. Есть возможность полностью привести в порядок нервную систему, потому, что, у пришельцев, много времени уходит, на поиск новой кандидатуры и бюрократическую волокиту. Можно основательно передохнуть. Информация быстро стала общим достоянием. Теперь миссионеров встречали торжественно, окружая заботой и вниманием. За ними внимательно следили, чтобы не один волос не упал с головы. Препроводив декларирующего основные постулаты Декларации пропагандиста в специальное помещение, его усаживали в специально отведенную емкость, плотно закупоривали и заливали всевозможными растворами, преимущественно кислотными и щелочными. Чтобы не пролилось, ни капли крови. После внедрения этой процедуры, отсталые миры вздохнули свободнее. Только,

на отдаленной Чупикаке, об этих генетических экспериментах не знали. Но там, в силу традиции, назойливого пришельца, ублажив гуриями, бросали в жерло вулкана и были совершенно счастливы, в своем неведении.

Специальная комиссия в Верховенствующем Совете, специально разбиралась с этой тенденцией. Пришли к выводу, что помимо кукулианского опыта, на развивающиеся планеты, попала дополнительная информация, о достижениях нанайской генетики. Информация исходила от кого-то, из своих. Или от члена гуманитарной миссии, или от члена экипажа транспортного корабля, доставлявшего, наряду с гуманитаркой, и нанайского эmissара. Выяснить, кто проговорился, так и не удалось. В ходе разбирательств в комиссии не говорилось вслух, но общее, молчаливое мнение следователей было таково, что двадцать раз перезагруженный индивидуум, который – как кость в горле, даже у своих, достоин жалости, но не сочувствия. Ко всему прочему, нанайское общество, в ходе принятой практики, изрядно оздоровилось, навсегда избавившись от самых целеустремленных своих членов. Поэтому, против варваров вводили кратковременные санкции и, на этом, дело заминали.

Самый серьезный кризис разразился на Мутузле. Здесь проповедников не замачивали. Наоборот, оставляли кусочек и отправляли на Нанайю. Один переписанный бедолага бесконечно мотался туда-обратно. Только отправится просвещать обитателей Мутузлы, хоп – оттуда приходит посылка с генетическими образцами. При тщательном расследовании выяснилось, что мутузляне ели миссионеров не в виде религиозного обряда, а в силу устоявшихся кулинарных привычек. Человеческое мясо считалось на планете деликатесом, и ее обитатели нашли в бесконечном потоке просветителей неиссякаемый источник белка. Только, съедаясь говорливый пришелец, как на его место заступал его дубликат. Уговоры и бесконечные заседания совместных комиссий не помогали, в решении проблемы. Только, после того, как на Мутузле, демонтировали энергетические установки, те пошли на попятный и создали полноценную контактную группу. На межпланетной конференции, члены делегации Мутузлы заявили, что произошло недоразумение.

– Виноваты! Не поняли. – Извинялись мутузляне. – Думали, что этих субчиков нам шлют, как продовольственную поставку. Больше мы их есть не станем.

Есть носителей высокой морали, на Мутузле, в самом деле, перестали. Стали просто замачивать, прямо у трапа. Такой поворот событий устроил Верховенствующий Совет, и Нанайя перешла, по отношению к ним, на ограниченные и краткосрочные ограничения в поставках.

Все эти перипетии международной и внутренней политики были хорошо известны медицинскому персоналу «Лапендрюги». Они прекрасно понимали, что в качестве акта нераспространения заразы, может быть перезаписан весь экипаж. С пересадкой мозга. Поэтому уныние, отчетливо проявилось на лице доктора. Медик старательно скрывала свои чувства, но было видно, что перспектива превратиться в морального уродца, ее, тоже, не радовала. На некоторое время, участники беседы застыли, как изваяния. Скульптура Доктора, при этом, напоминала бодрого психопата. Улыбка, у него, стала неестественно пугающая, а глаза вылезли из орбит.

ПОХИЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ КООРДИНИРУЮТСЯ С МОЛОЧАЕВСКОЙ БАЗЫ НЛО, В БЕЛАРУСИ.

Фирсов был в лесу, впервые, с начала эволюции. До этого, он посещал, только доэволюционный лес, находиться, в котором, было безопасно. По поводу ситуации с безопасностью, в современном лесу, в комитете ходили разные слухи. Именно – слухи. Достоверно, никто ничего не знал. Кабинетные ученые писали по этому поводу, что-то совсем непонятное. И, каждый – по-разному. В научных трудах белорусских академиков, наблюдалась такая разногласица, что найти в этих сочинениях две схожие позиции было просто невозможно.

К слову, некоторые труды, вообще нельзя было понять. Написаны они были таким стилем, в них употреблялось столько непонятных научных терминов, что читателю оставалось, только надеяться, что сам автор знает, о чем пишет. Оставалось надеяться и верить, что ходя бы сам сочинитель, как-то разбирается, в той галиматье.

Перед заходом, в лес, Фирсов был проинструктирован, о правилах техники безопасности. Инструкции Прадеда были понятны и изложены человеческим языком.

– Ты, Александр Анатолиевич, руки, при себе, держи. Ни чего не трогай и не обрывай, упаси, тебя, бог.

– Это опасно?

– Это чревато последствиями. Можно пострадать. А, так – ничего не бойсь. Все будет пучком.

По дороге Прадед знакомил Фирсова с современной лесной растительностью. Рассказывал, какие плоды можно употреблять, а какие нет.

– К винограду, вообще лезть не стоит. Даже Ржавый не все посадки контролирует. Есть такие места, куда и ему ход заказан.

– Ржавый, он – кто? – Спросил Фирсов, опасливо озираясь, по сторонам.

– Ржавый! Вы его видели, на совещании. Он – леший, тутошний. Этим лесом заправляет.

– У нас, все леса в государственном подчинении. – Заметил Фирсов.

– Только они не подчиняются. Вот беда! Правда?!

Фирсов, сам, уже, понял, что сморозил глупость. Поэтому он вслух ничего говорить не стал и, только, пожал плечами.

До стройплощадки они добрались быстро. Там, Прадед сдал Фирсова, с рук на руки, Леоновичу и, убедившись, что все, у гуманоидов, идет как надо, отправился обратно.

На стройплощадке, все шло по плану. Только инопланетян сегодня было немного и выглядело все не так торжественно, как при строительстве энергоблока. Инопланетян было всего четверо. Двое были в шлемах и наблюдали за роботами. Один спал под кустом. Четвертый носился взад-вперед, на велосипеде, по дороге, которая проходила позади возводимого объекта. За его перемещениями наблюдала женщина в черном. В ней, Фирсов, без труда узнал Дашу Апелляцию.

– Не много инопланетян сегодня вышло. – Заметил Фирсов, обращаясь к Леоновичу.

– Их половина сегодня вышла. – Сказал Леонович. – Только разъехались все.

– Куда? – Растерялся полковник.

– В основном, по магазинам. Бабы приодеться решили по человечески. Надоело им в одном и том же ходить. Они же люди, все-таки, хоть и нанайцы.

– А этот, чего – на велосипеде?

– Транспортировщик. Специалист по транспорту. Знакомится с земными образцами. Начинает с азав.

Фирсов, только вздохнул, в ответ.

Леонович, между тем, стал ему рассказывать, что раньше здесь был военный городок, и военная часть стояла. Все это забросили. Сразу после эволюции. Но на балансе у государства, объект числился. Недавно молочаевский кооператив все это выкупил и начал монтировать цеха. По переработке лесной продукции.

– Как, в лесу?! – Воскликнул полковник, а потом, опомнившись, вздохнул и добавил:

– Хотя, чего это я? Чего, в жизни, только не бывает.

– Вот-вот. – Серьезно кивнул Леонович. – Правда, застопорилось все, на последней стадии. Но, ничего. Все это компенсируется из резервных фондов.

На это, Фирсов ничего уже не сказал, только задумался. Подумав, он спросил:

– Павел Степанович, скажите, если можно. Вот мне сказали, что у вас народа много всякого, по деревням, раскидано. Пришлого. Они живут, трудятся, но официально нигде не числятся. Как такое может быть, чтобы в Минске, об этом не знали?

– А, там, знают. Только смотрят, сквозь пальцы. – Сказал Леонович. – В Минске не знают масштабов этого явления. Поэтому не обращают внимания.

– Большие – масштабы? – Спросил Фирсов.

– Порядочные. – Заверил его Леонович. – Ведь, до эволюции, как было? Один колхозник на село! Остальные – дачники. Как эволюция грянула, ее тянуть пришлось, тем, кто остался в деревнях. Они и тянули. Потом, когда, леса людские организмы различать стали, полегчало. Потом государство немного оклемалось. Помогать начало. А, там – пошло, поехало. Сельский народ, на ноги становиться начал. Только потихоньку, не напоказ. С виду, все – в запустении, а население собственностью обзаводиться начало. Там спиртзавод поставят, там – свиноферму. Деревни пустые стоят, а дело движется. Сразу, как было? Где никого совсем, а где одна бабка живет. Городские, поначалу, обрадовались – дачи бесплатные. Кинулись. И, сразу, нарвались. Кого, как прихлопнуло. Кто в больницу лег. Кто в лес ушел. Но постепенно стало ясно, что ничейного на селе, теперь нет. Все теперь – чейное. Сидит себе старушка в деревеньке, а все вокруг, теперь – ее. И даже соседние хутора, где никого не осталось. Значит, если хочешь, в доме, поселится – к ней. Огородик вскопать, туда, же – за разрешением. Вот, так, теперь живем. Когда активатор запустили, Галя, Галина Константиновна, только замуж вышла. Муж, от нее сбежал. Сразу – в город, потом – в Россию. Она при тетке, с дитем на руках, осталась. В город не поехала. Тут жилы рвала. Года четыре назад, тетка представилась. Гале, в наследство, деревенька осталась и человек двадцать арендаторов. Она и это тянула, как могла. Потом, майор Злыдник, к нам приехал. Космический поезд помог раскулачить. После поезда, инвесторы, к нам, пришли. Галя, в деньгах, поднялась. Арендаторов на ноги поставила. Еще землицы прибрала. Паробков, у нее, добавилось. Теперь у нее, народа – человек пятьдесят. Теперь она, крепко, на ногах, стоит. Соответствует своему статусу.

– Какому статусу?

– Чтобы, Вам, понятнее было, скажем так. На графиню, она не тянет. Но на баронессу, это – точно. Хотя, если дело, так, дальше пойдет, то и графский титул ей обеспечен. В широком понимании.

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ОТКАЗАЛИСЬ ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА С БЕЛОРУСКОЙ ДИКТАТУРОЙ

Настроение у Доктора было настолько безысходное, что Медик стала действовать решительно. Включив синтезатор, она настроила его на нужную волну и наполнила объемную колбу прозрачной жидкостью. Затем, взяв пробирку, она перелила немного прозрачного вещества, в нее, заполнила еще одну лабораторную емкость чистой водой и решительно сказала:

– Вам надо это выпить.

– Что, это? – Обессиленного спросил Доктор.

– Спирт, медицинский. Употребляется, на Земле. В лечебных и профилактических целях. Только пить надо по правилам. Сразу выдохните. Потом выпейте спирт, из пробирки и, не вдыхая, запивайте водой.

– Это обязательно, пить спирт?

– Обязательно. Пейте.

Доктор четко выполнил все инструкции Медика. Сразу после лечебной процедуры, ему хотелось бежать, на восстановление. Но это желание быстро прошло.

– Ну, как? – Спросила Медик.

– Странное состояние. – Сказал Доктор, внимательно прислушиваясь к ощущениям в организме. – Думаете, это поможет? Уничтожит бактерии?

– Бактерии не уничтожит. Но голову на место поставит. – Сказала Медик. – Еще чуть-чуть и, вы побежали бы сдаваться Корректору.

– Я, в самом деле, был того.... Был готов.

– Прошло?

– Знаете. Прошло.

– Тогда надо закусить.

Медик открыла большую плоскую коробку. Там лежало что-то круглое, с разноцветными вкраплениями.

– Это, что?

– Это пицца.

– Вам, в местном лечебном заведении дали? Это, как – прикладывать?

– Это кушать. В данном случае – закусывать. Давайте смелее. А то вас, после кулинарных изысков Биолога, развезет.

ТРЕХГОЛОВЫЙ ПРИШЕЛЕЦ ГОЛОСОВАЛ НА ТРАССЕ М1 В БЕЛАРУСИ. ПО СООБЩЕНИЯМ БЕЛОРУССКИХ ВЛАСТЕЙ, ОН КАТАПУЛЬТИРОВАЛСЯ, ВО ВРЕМЯ АВАРИЙНОЙ ПОСАДКИ.

Итальянского атташе по культуре, Ахилла Канетти, зацепили слова Ходинского об инопланетянах в местном синоптическом центре. Что это – такое, он себе не представлял, но решил разведать. Он справедливо решил, что если Ходинскому, об этом белорусском учреждении известно, то оно не является режимным предприятием. Значит, можно о нем поспрашивать. Первый же собеседник, из числа местных жителей, выложил Канетти все, как на духу. Ахилл, с радостью узнал, что синоптический центр, в Молочаевке, имеется. Что главный, там – астральный синоптик Мирошниченко. И, вообще, синоптиков, там, сейчас – хоть чем ешь.

– Слет, у них, синоптический. Опыт обмениваются, по изучению иной реальности. – Сказал сельчанин и, на прощание, объяснил итальянцу, как найти это заведение.

Отправляясь, по указанному адресу, Ахилл никакого внимания не обращал, на приклеившегося, к нему, атташе из Молдавии. Не до него было. Что молдаван плетется за ним, он знал, просто не придавал этому значения.

Синоптический центр Канетти нашел быстро. Что это – искомый объект, было ясно, с первого взгляда. Над хатой болтался полосатый сачок, указатель силы и направления ветра, и людей в серебристых одеждах, во дворе, было не сосчитать. Тут, итальянец подумал, что израильтянин был прав – на инопланетян, эти гуманоиды не тянули. Большинство было небрито. Все поголовно – не стрижены. По двору гуляли ветра алкоголя и перегара. Канетти, с ходу напоролся на Геннадия Петровича, который страшно обрадовался появлению в поле зрения нового человека.

– Здравствуйте! – Наскочил, на Ахилла, Геннадий Петрович. – Что-то я, вас, раньше не видел?!

– Да, так получилось....

– Вы откуда будете? От какой организации?

– Я – от культуры....

– Нашей? Зарубежной?

– Итальянской.

– Замечательно! – Обрадовался молочаевский синоптик. – Идемте! Я вам все расскажу!

– Все ровно. – Сказал Доктор, – Надо решать, что делать.

– Давайте – еще одну дозировку. А потом будем думать. – Сказала Медик. – И я тоже выпью, чтобы в голове прояснилось.

Пока Медик разливала спирт по пробиркам, доктор беззастенчиво пиялся, на ее обтянутый джинсами зад. Когда Медик под села к столу, он сказал:

– Интересная экипировка, у землян. Вроде все прикрыто, а смотрится, очень вызывающе.

– Но-но! – погрозила ему. Медик, пальцем. – У меня парень есть. Давайте. Лучше выпьем. Я скажу тост.

– Тост, это – что?

– Вступительная речь. Перед принятием внутрь, спиртосодержащих жидкостей. Короче! Давайте выпьем, за счастливое разрешение, стоящих перед нами проблем.

Тост доктору понравился, и он выпил пробирку до дна. Продышавшись и закусив пиццей, он спросил:

– Ну, как – появились мысли?

– Думаю, ничего, пока, делать не надо. Серьезных отклонений, у экипажа не наблюдается. Все идет в штатном режиме. Возможно, оно само собой рассосется. Когда полетим в космическое пространство.

– В этом, я с вами согласен. Насчет космического пространства. Не будем пороть горячку. Не согласен, только, насчет штатного режима. Какой, тут – режим, если воняет. Чувствую, придется перебираться на ночлег, в тренажерный зал. А, там – Диетолог. С ним, пока несколько подходов к снарядам, не сделаешь, спать не ляжешь.

– Ерунда. – Сказала Медик. – Я, тут, на Земле, поговорила кое с кем, по поводу возникшей ситуации. Она решается очень просто. Сейчас, организуем стеклянную емкость, вместимостью в поллитра, наполним ее спиртом и я отнесу ее Гидропонику. Увидите, что через полчаса, в вашей каюте восстановится система жизнеобеспечения.

– Вы уверены?

– Уверена. Мы же – на Земле. А, на Земле поллитра чудеса творят.

В БЕЛАРУСИ, ДЛЯ НЛО, СТРОЯТ НОВУЮ ЗАПРАВОЧНУЮ СТАНЦИЮ.

Вечером, Прадед, сопровождая Фирсова из леса, поставил его в известность, что заглянет, к Галине Константиновне, на чай. Впрочем, за столом, он засиживаться не стал, сказав, что скоро новости и надо посмотреть, как он получился.

– Галя, у тебя, телевизор исправный?

– Исправный, исправный. Включай на кухне и любуйся, на себя, маньячина!

Через полчаса, прервав дружескую беседу, за столом, Михаил Степанович высунулся из окна и крикнул:

– Галя! У тебя, пароль на компьютере – какой? Хочу, в «Интернете», глянуть, чего про меня говорят и пишут.

– Сейчас приду и включу!

Галина Константиновна, собрала со стола тарелки и ушла в дом. Фирсов, в ее отсутствие, серьезно задумался. Когда женщина вернулась, он беззаботно спросил:

– Что, у вас, «Сеть», до этого времени, «Интернетом», называют?

– Так, у нас, люди «Сетью» не пользуются. «Интернет» – у всех.

– Это – как?!

– Ну, вот, так!

– Откуда?

– Не от верблюда, это точно. Если честно, то я сама, толком, не знаю. Если интересно – спроси у Бени. Он, у нас, этими делами заведует.

Когда на небе, ярко зажглись первозданные знаки Зодиака, Фирсов, лежа в постели Галины Константиновны, повернул голову к открытому окну, за которым призывно трещали кузнечики, и тихо-тихо прошептал:

– Это просто невероятно.

Галина Константиновна, что-то промурлыкала, во сне, придвинулась к нему и, открыв глаза, сказала:

– Ты, Саша, когда вернешься в город, переживай, только, в душе. Как говорил товарищ Бендер, если вы, Александр Анатольевич, не можете не переживать – переживайте молча.

– Не понимаю, я, как теперь работать буду. Мне ведь теперь, такое известно, что людям в городах, и, не снилось. И руководству...

– А, ничего страшного. Зато теперь, сможешь принимать правильные решения. Работать легче станет. Вот увидишь.

– Правильные решения, правильные решения.... В самом деле! Как, до меня, не дошло. Точно! Спасибо, Галя!

– Спасибо, спасибо. Если спать не хочешь, то одним «спасибо», не отделаешься!

Глава двенадцатая

Даже по деревенским меркам, еще было раннее утро, когда во двор Галины Константиновны, появилась Валька Комитетчица, по паспорту – Валентина Аполиinarieвна Боровик. Она поздоровалась и, подозрительно поглядывая на крыльцо, сказала:

– На ферму, шла. Решила заглянуть, по дороге. Ты знаешь – расширенное заседание собирают сегодня, с утра? Твой – в курсе?

– Кто? Постоялец? – Сделав наивное лицо, спросила Галина Константиновна. – Не знаю. Может, знает, может, нет. Думаю, поставят в известность, если нужно.

– В город он, что больше не ездит? Тут, ночует? – Еще более наивнее, спросила Комитетчица.

– Там заместители справляются. У него, заместителей – тьма тьмущая. Здесь сейчас самый ответственный участок деятельности. Сама должна понимать.

– Понимать должна. Все, я понимаю! – Бубнила, шагая на ферму Валентина Аполиinarieвна. – Одним – все. Другим – ничего. Мало того, что всех местных мужиков расхватили, так еще и приезжих, на лету перехватывают. Да, еще – полковников! Тут, захудалого прапорщика, на горизонте не видно. Нет, видно, конечно. Но, там – одна молодежь. Солидных людей нет.

Разгоряченная своими мыслями и высоким темпом передвижения, Валентина Аполиinarieвна, остановилась отдышаться. Вдали, на горизонте торчала летающая тарелка. Женщина долго смотрела на нее и что-то бубнила себе, под нос, очень неразборчиво.

КОСМОНАВТЫ НА МКС НАШЛИ ОЧЕРЕДНУЮ ДЫРУ В КОРПУСЕ! АМЕРИКАНСКИЙ АСТРОНАВТ БЫЛ ЗАСТИГНУТ. С ДРЕЛЬЮ В РУКАХ!

Подтверждение, о расширенном совещании, принесли полковнику Фирсову тимуровцы. Человек пять, стремглав, подкатили на велосипедах к калитке. Но во двор зашел, только, один – звеньевой «озорников», Сеня Горелый. Горелый была его фамилия и партийная кличка одновременно.

– Товарищ полковник! Состоится расширенное заседание. Майор Злыдник просил вас проинформировать. Если желаете присутствовать, то вам на усадьбу Ирины Витольдовны, надо ехать.

– Так, я подвезти полковника не могу. – Уперла руки в бока Галина Константиновна. – У меня два паробка в больницу просятся, с зубами. Вы майору передайте, что Александра Анатольевича подвезти надо.

– Галина Константиновна, я – сам. Расскажите, как ехать.

– Сам – не надо. Пусть подвезет, кто-нибудь, из наших. – Мягко, но настойчиво сказала хозяйка.

– Передайте, майору, что я скоро буду, возле сельсовета. Пусть меня, там, кто-нибудь заберет. – Распорядился Фирсов.

Когда тимуровцы умчались, с ответным посланием, к майору Злыднику, Галина Константиновна туманно пояснила:

– Там, не совсем усадьба. Не то, что ты думаешь. Ты, к современным агроусадьбам привык. Только, там – другое. Приедешь, сам увидишь.

По пути к зданию местной администрации, полковника приветливо приветствовали прохожие. Настроение, и так у Фирсова было неплохое, а, от приветливости сельчан, оно еще, на порядок, улучшилось. Возле сельсовета было немногочленно. Человек десять, разбившись, на две кучки, вели размеренную беседу. Пятерка юных велосипедистов ожидала новых поручений и участковый Марченко, беседовал с долговязым парнем в деловом костюме. Правда

костюм сидел на собеседнике, Виктора Анатолиевича, как на корове седло, и побриться ему нужно было, еще пять дней назад. А, постричься – давным-давно, еще на заре эволюции.

Фирсов подошел к ним и поздоровался, с обоим, за руку.

– Вот, посмотрите товарищ полковник, на этого субъекта! – Взмахнул рукой Марченко. – Было сказано: приобрести деловой вид.

– Я костюм купил. – Оправдывался долговязый, сверкая золотой фиксой.

– Костюм, ты, купил! Ты на себя посмотри, чудо природы. Ты, в каком обществе, теперь вращаться будешь? Ты если не знаешь, как деловой человек должен выглядеть, сходи на «центровых», посмотри. Как, ты, в их кругу, смотреться будешь?!

– В прошлом году, так, даже к генералам, в «Росскосмос», ездил. И, ничего. – Бурчал фиксатый.

– Так, то – в «Росскосмос». Да, еще – с Ириной Витольдовной! Короче, строевую проверку, не прошел. Марш – приводить себя, в порядок. После обеда – ко мне. Будем повторный осмотр проводить.

Когда парень отправился выполнять приказ, Марченко озабоченно отдуваясь, пояснил:

– Предприниматель местный. Будет, на случай, каких договоренностей, с иностранными представителями работать.

– Думаете – справится?

– Справится. Куда он денется! В прошлом году справился.

– Вы тут, что-то, про «Росскосмос», говорили?

– Ну, да. В прошлом году, их деньги, через его фирму шли.

– Там, вроде, сумасшедшие суммы были.

– Да – немалые.

– Я, о такой финансовой корпорации не слышал ничего. С такими оборотами. Хотя должен был. По должности.

– Какая, там – корпорация! Артель, у них, с братьями. «Понаморенко Лимитед». С финансами, они, у нас, редко работают. Больше по хозяйству. Забор поставить, скажем, или навоз вывезти. С финансами они – если, только, большие суммы по оффшорам, раскидать надо. Я, толком, ничего не знаю. Не разбираюсь, я, в финансовой деятельности. Если хотите, у Ирины Витольдовны, спросите. Она вам скажет. Просветит, на эту тему.

Фирсов, даже, не нашелся, что сказать. Начиналось все, так, пристойно. Ответственно. Конспиративная квартира. Инициативная группа, работающая в поте лица. А кончилось, неконтролируемым, государством «Интернетом», сельскими новоиспеченными баронами и баронессами, и многомиллионными оборотами, в деловой сфере.

Заметив, что полковник задумался, Марченко дал ему, на это, немного времени, потом сказал:

– Все, уже, к Ирине Витольдовне, подтягиваются, потихоньку. Может, пора, и, нам? Я, вас, подброшу. Я, только вас ждал.

Ехать на усадьбу колхозного бухгалтера было недалеко. Когда перед ними показался небольшой лесок, Фирсов задумчиво взглянул, на Марченко, но, тот вел машину уверенно. Полковник, хотя, и испытывал чувство тревоги, решил положиться, на его знание местных особенностей. Тем более что лес выглядел необычно. Перед опушкой, асфальт кончился. Дальше шла широкая, мощеная брусчаткой, дорога. Деревья, по краям, росли на значительном расстоянии и ограждения, Фирсов не заметил. Вскоре впереди открылась обширная поляна, на которой, расположились несколько строений. Архитектура зданий была нежилого типа. Видимо, когда-то, здесь был объект технической направленности. Может быть насосная станция. Очень было похоже, на это. Одно здание, в два этажа было круглым, в своем плане, второе прямоугольным, с загогулиной. Большая, прямоугольная часть, видимо использовалась, раньше, под гаражи или мастерские, загогулина предназначалась, для бытовых нужд работников и каби-

неты руководства. Теперь, все это было перестроено и отделано заново. Крыши сверкали черепицей, стены отделаны серым камнем. Старые окна были расширены и пробиты новые. Рамы, в них были, прямо, как в «Эрмитаже», только стекла были матовые, современного типа. Мало, того – между прямоугольным и круглым строением, была построена крытая галерея, соединяющая их, на уровне второго этажа.

– Это не усадьба, это – замок, какой-то! – Ужаснулся Фирсов. – А, я, то думал...

Что он думал, полковник додумать не успел, потому что машина остановилась, и пришлось выходить. Марченко уверенно направился, к входу, в круглое здание. Фирсов шел за ним.

Внутри, на первом этаже, не было никаких переборок. Помещение было просторное и светлое. На полу, в хаотичном беспорядке были разбросаны ковры. Фирсов не сомневался, что они дорогие, настолько, что лучше не думать, об этом. Марченко, несколько не смущаясь, пошел прямо, по коврам к длинному столу, за которым сидели люди. Людей сегодня было больше, чем обычно.

Фирсов присел, за стол, рядом с Марченко, и окинул взглядом присутствующих. Тут были почти все знакомые, по предыдущим совещаниям, лица: Даша Апелляция, Серафима Францевна, заводчик верблюдов – Леонид Павлович, хозяйка дома – Ирина Витольдовна. Рядом с ней, сидел широкоплечий красавец мужчина.

– Наверно, это и есть майор Матюхин. – Решил Фирсов.

Тут, же были, и, Леонович, и управляющий местным лесным массивом – Ржавый. Рядом с Леоновичем сидел высокий представительный мужчина, такого же, возраста.

– Это – кто? Не скажете? – Наклонившись к Марченко, негромко спросил полковник. – Раньше, кажется, он не присутствовал?

– Это Сашка. Черный Директор.

– Почему – черный? – Непроизвольно вырвалось у Фирсова.

– И, почему – директор?! – Усмехнулся Марченко. – Директор он, потому, что когда-то директором работал. Не крупного предприятия, а кулинарии, какой-то. А, вот, почему – черный? Трудно сказать. Может, оттого, что пьет, по черному. Не постоянно, но периодически. Особенно – зимой. Пьет он, пока не почернеет. Это первый вариант. Вариант второй. Он, когда начинает чувствовать, что кранты наступают, начинает лечиться. В лес уходит. В мох зарывается и, там, отходит. Из леса, он черней, черного выходит. Вот так.

– Вы, же сказали, он в основном зимой срывается? Зимой, где отходит?

– Там, же, в лесу. На болотах зимой тепло. Там водоросли, новая формация. Они воду греют. Возле болот, круглый год – лето. Летом, лето – тропическое, зимой – умеренного пояса.

– Про меня рассказываешь? – Через стол спросил Черный Директор.

– Точно. Знакомлю, так сказать, с присутствующими.

Сашка, которому было под шестьдесят, добродушно заулыбался и развел руками, в сторону Фирсова, словно говоря:

– Вот, такой, он – я! Извините!

Вслух Директор сказал, немного виновато:

– Я, в лесу, отсыпался. Не знал ничего. Мне, пролетарочки, как сказали, так, я, сразу, примчался. Думаю, может, чем пособлю.

Фирсов, растерянно кивнул и, только, сейчас отметил, что нет Злыдника. Видимо, ждали, только его. Почти, в тот, же момент, снаружи послышалось, что подъехала машина и вскоре, в зал совещаний, вошел руководитель инициативной группы. Вошел не один, а в сопровождении свиты, состоящей из двух человек, молодецкого вида. Один был молодец, молодцом, а второй прямо – добрый молодец. В добром молодце, Фирсов, со второго взгляда, узнал местного таможенника.

– Здравствуйте, всем. – Сказал Злыдник, на ходу, а, остановившись, пригласил сопровождающих его лиц, рассаживаться в произвольном порядке.

– Прошу знакомится, если, кто незнаком. Прапорщик Пшеничный, большинство его знает, и мичман Пинской флотилии – Агейкин.

– Я ничего не пропустил? – Спросил Злыдник, солидарно, присаживаясь, рядом с Фирсовым.

– Только вас и ждали. – Улыбнулась Ирина Витольдовна. – Не знаем, с чего начинать.

– Давайте начнем, не с главного. Разогреемся, для начала. – Уверенно сказал майор и, повернувшись к таможенникам, скомандовал:

– Доставайте.

Пшеничный полез в карман и извлек, оттуда камень величиной с кулачок. Агейкин, тоже слазил в карман и, тоже, положил на стол камешек, только чуть побольше. Два минеральных образования лежали рядом и игриво поблескивали, в падающих на стол, солнечных лучах. Камни были огранены просто идеально. Они притягивали взгляд, блестящие и яркие, похожие на стекло. Только всем было понятно, что это не стекло. Это другое. Один камешек был с голубым отливом, другой – с розоватым оттенком.

– Что – опять? – ужаснулся Фирсов.

– Чего – это? – Поинтересовался Директор.

Леонович, стал, негромко говорить ему, на ухо.

– Ну, вы, все поняли. – Сказал Злыдник. – Состав вещества, всем известен. Происхождение, тоже. Минералы были преподнесены вчера вечером, двумя прекрасными инопланетянками, двум участникам туристического слета, работникам таможенного комитета.

– Во, дает таможня! – Усмехнулся Леонович.

– Да, с таможней, у нас, постоянно, всякие казусы случаются. Но такого, от них, никто не ждал. Такого, даже, в страшном сне, никто предвидеть не мог. Даже, от таможни. Экспертизу, еще не проводили, но, без экспертов, можно сказать, что это алмазы. Причем ужасно дорогие, из-за редких оттенков и качества.

– Раз они обработанные, так, это уже не алмазы, а бриллианты. Такие, Саудовские принцы купят за любые деньги, и не будут торговаться. – Сказал Леонович.

– Купят, если денег хватит. – Заметил Черный Директор. – Насколько я знаю, таких бриллиантов, ни у одного короля, ни у одного махараджи, нет.

– Давайте думать, что с камешками делать. – Сказал Злыдник.

– Передадим в доход государства. – Патриотично поднялся со стула Пшеничный.

– Я, тебе, передам! – Погрозила ему пальцем Ирина Витольдовна. – Тебе подруга презент преподнесла, от всего сердца. А ты – в доход государства. Хотя...

– Ну-ну! Ирина Витольдовна, чувствую, какие-то соображения у вас есть.

– С подарками от дам, пока никакого государственного дохода не получиться. Тут чувства замешаны. Тут мы бессильны. С теми камешками, которые преподнесли нашим мужикам, думаю, будет проще. Ребят, с тарелки, которые проявили, таким образом, свои дружеские чувства, я знаю. Поговорите, с ними, по душам. Они, все поймут. Те две глыбы в доход государства передадим, это точно. Только, я не понимаю, Иван Иванович, зачем их вообще на свет вытаскивать. Пусть себе лежат, втуне.

– Люди посмотреть хотят, на диво. Это – раз. На селе, значит, покажем, а городским – нет? Они, ведь, тоже люди, граждане. Хоть, и – городские. Второе. Так, что второе? Они нам пригодятся в плане сотрудничества с транснациональными корпорациями. Нам, для их сговорчивости, нужны весомые аргументы. Это – два. И, для моей секретной операции прикрытия, они пригодились бы, очень. Приезжие мечутся, без дела. Еще день другой – начнут совершать необдуманные поступки. Про тарелку станут отписываться. Для отчетности. Надо переключить их внимание, на дела второстепенной важности. Это – три.

– Остается вопрос, как это преподнести. – Сказал Лявон. – Если скажем, что откопали, не поверят.

– Здесь, никаких проблем нет. – Махнул рукой Злыдник. – Скажем, что из космического пространства прилетело. Это никого не удивит. Тем более соответствует действительности. Каждое слово – правда! Что касается достоверности, то тут все, тоже, в порядке. Молочаевка, в смысле связи с галактиками – как бермудский треугольник, в мировом масштабе.

– Что два сразу прилетят или по отдельности. – Спросил Леонович.

– Один прилетел вчера, другой – неизвестно, когда. Это я про изумрудный. Изумрудный, передадим в космическую лабораторию.

– В лабораторию – зачем? – Почесал лысину Лявон.

– Еще не знаю. Но что-нибудь получится. К ним шпионы зачастили. Надо, чтобы и у них были достижения. Изумруд, в качестве достижений российской космической промышленности, будет в самый раз.

Никто ничего не сказал, на это, но все согласно покивали головами.

– Перейдем к делам первостепенной важности. – Сказал Злыдник печально. – Давайте решать, что с тарелкой делать будем. В принципе, если, что пойдет не так.

– Надо утилизировать. – Сказал Черный Директор.

– Практически это возможно? – Спросил Злыдник, с интересом глядя на новое лицо, в собрании.

Ему ответил Бенья.

– По моим прикидкам – возможно. – Сказал Главный Оператор. – Сегодня, я присутствовал при разгрузке. На одном контейнере была наша отметина. Несколько дееспособных блошек, в статичном состоянии. Так, что наша микрофлора, там присутствует. Причем она, теперь может быть активирована, нами, а, может активизироваться, сама по себе. В случае чрезвычайной ситуации. Сеанс связи, у них – раз в день. Как передадут, что все в порядке, мы своим блошкам дадим команду «фас», и – все! Следующего сеанса связи не будет.

– Мне, Гипертоник говорил, что у них, по кораблю, везде датчики. Они наших блошек должны были засечь. – Задумчиво сказал Леонович. – Да могли, засечь, даже в нейтральном состоянии. – Согласился Бенья. – Только, у них, там, теперь аварийная ситуация. Один молодой специалист протечку взялся исправлять. Разворотил, все, что можно. Теперь, течет из всех отверстий. Особенно – говно.

– Неужели они, со своими технологиями, не могут с этим справиться? – Удивился Фирсов.

– Могут. Но не хотят. – Улыбаясь, сказал Лявон. – Вчера Инноватор, на эту тему, злорадствовал. Говорит, что Гидропоник уперся и без поллитра и хорошей закуски работать отказывается. А, молодой руками работать не может. Только роботами руководить умеет. Вот, у них и поплыло все. На фоне этой текучести, наших зверюшек, ни за что, не вычислишь.

– В случае чрезвычайной ситуации, реакция, с опозданием, может пойти. – Покачал головой Лявон. – Не в лесу, тарелка села.

– Да, если бы она в лесу села, голова бы, у нас, не болела. – Согласился Леонович. – Но ничего не поделаешь, придется брать ответственность, на себя. Ничего справимся. Одна Нинка Киллерша, чего стоит! У нее плевков ядреный. Она, сгоряча, полк гуманоидов свалить может. А, если до тарелки доплюнет – дырка в корпусе, им обеспечена.

– А, может – ну, его, мальчики?! – Сказала Елена Павловна. – Будь, что будет. Не будем их трогать. Шарахнет, так – шарахнет. Планета, и, так, перенаселена. Загадили ее всю, без всяких жаболоидов. Сами человеки. Пора разгрузиться.

– Разгрузиться, давно пора. – Вздыхнул Директор. – Только, это не наша забота. С планетарными делами, планета, разберется, без нашего участия. Она сама знает, когда, где и как. Включит оледенение и – кердык! Не наше это дело.

– Мы на натуральное хозяйство перейти можем, в любой момент. – Сказал Лявон. – Только если, вокруг, запыляется, отсидеться в лесах, удастся малому количеству граждан. Активатор потухнет. Санитарные кордоны вырубятся. Леса, на горожан, попрут. И все.

– А если, сразу, космической энергией запастись? – Спросил Ржавый. – Фабрики у гуманоидов взять. Можно пересидеть.

– Не получится. – Сказал Леонович. – Если фабрики и энергию, у них возьмем, на их условия соглашаться придется. Дополнительные причиндалы отращивать. Идти, на сознательный обман, мы не можем.

– Тут – да. Тут, ты, Степанович, прав. – Согласился леший. – Подтереться, только, их декларацией. Хороним гадов!

Поглядев, в сторону ошарашенных Агейкина и Пшеничного, Ржавый усмехнулся ободряюще.

– Это просто говорится, так. – Успокаивающе сказал он. – Живы, все останутся. Только аппарат их приберем. Чувихам вашим ничего не грозит, кроме потери казенной жилплощади.

Злыдник в спорах, на этические темы, участия не принимал – думал, о чем-то серьезном.

– Я, тут, подумал. – Сказал он, после того, как участники совещания пришли к окончательному выводу, что гостей сюда никто не звал и, в крайнем случае, придется порадеть, отстаивая целостность родной планеты. – Мне кажется, что эти камни, не просто так, наружу просочились. Есть, здесь, какой-то подвох. Кто-то, на корабле, воду мутит, мне кажется.

Собрание умолкло и насторожилось.

– Может я, и не прав. Но подозрительно все с этими алмазами. Нужно переговорить, с сочувствующими. Узнать – обсуждалось это или нет. Почему – именно алмазы? Горный хрусталь, тоже красивый. Всех, кто сегодня будет в контакте, с нашими гостями, прошу их осторожно поспрашивать.

Он повернулся к таможенникам.

– К вам, это, тоже, относится. Только не юлите, с дамами. Будьте мужчинами. Спросите прямо – почему именно минералы такого свойства, они вам преподнесли. Сказать правду, в их же интересах.

Агейкин и Пшеничный разом кивнули: «Мол, все поняли, спросим».

ЗАМАСКИРОВАННЫЕ ИНОПЛАНЕТЯНЕ ХОДЯТ ЗА ВОДКОЙ, В МОЛОЧАЕВСКИЙ МИНИМАРКЕТ.

Прибыв на строительную площадку, где возводился транспортный модуль, Леонович внимательно пригляделся к одетым в серебристые костюмы и, определив среди них Хронометриста, направился к нему.

– Поздоровавшись, он спросил:

– Как, дело, движется?

– Движется, по графику. Утром буду настраивать, и производить первую приемку.

– Она, у вас, что, только, на прием работает?

– Почему? И, на передачу тоже.

– А, что передаете?

– Пустые контейнеры и инопланетные артефакты. Это, по добровольному согласию, с жителями планеты. То, чем они готовы безвозмездно поделиться с жителями Нанайи. У нас, ведь, все безвозмездно, понимаешь? Мы, типа – даром. А, вы, в качестве демонстрации своих достижений, тоже просто так.

– Тонко! – Заметил Леонович и перешел, к делу:

– Слушай, а ты, тут, получается, до утра, не нужен?

– Согласно корабельного устава, должен присутствовать, в составе наблюдательной комиссии. Да и в тарелку, не тянет. Гидропоник, бастует, ты, же знаешь.

– Жаль. Я думал, сходим, к туристам, посидим, перекусим, пока суть да дело. И, обмыть стройку, не мешало бы. Чтобы, без отступлений от графика, строилась. У вас, же, аппараты есть. Восстановишься, до утра.

Услыхав, про «перекусить» и «обмыть», Хронометрист загорелся.

– Это, у вас, вроде, ритуал, такой получается? – Быстро сообразил гуманоид. – Что-то, наподобие, религиозного обряда?

– В точку, попал!

– Тогда, это – святое дело! – Обрадовался Хронометрист. – Это, даже, приветствуется. Это, даже в приложении к Декларации задекларировано – участвовать в торжественных и ритуальных обрядах с разумными существами.

– Своих предупредишь?

– А, ну – их! – Махнул тот рукой. – Потом скажу, что нужно было очень срочно отлучиться. Прямо – моментально. Не было времени предупредить. Никто, ничего не скажет. Причина веская. Пошли!

В туристическом лагере, в дневную пору, оставались, только женатые. И те не проявляли особой активности. Кто спал, кто бродил по окрестностям, а кто подался в деревню, соскучившись по широкому общению.

Прибытие Леоновича и гуманоида, в приличном состоянии, приветствовали, только лейтенант Мелешко и прапорщик Лосиков. Появлению гостей они обрадовались искренне и стали накрывать на стол. Устроиться решили, на травке, постелив скатерть прямо на землю. После первой, когда заговорили о политике, Хронометрист был осторожен в высказываниях. После второй он сокрушенно сказал:

– А, мы, даже дома не можем посидеть, вот, так – на природе.

– Что совсем, не выезжаете.

– Почему? Летаем. Только, беженцы достают. Ходят, за тобой, глазуют, щебечут, квакают. Как остановишься, сразу собираются, вокруг. Милостыню просить начинают. Короче не посидишь. Да, и, где, та природа?! Инсектоиды объели все!

Лосиков и Мелешко, для которых, подобные откровения были внове, ободряюще похлопали инопланетянина, по плечу, и налили, по третьей.

– Ты, мне, вот, что скажи! Что у вас, на планете, преступности совсем нет? Полная сознательность, населения? Про эмигрантов, я не говорю. – Приступил к делу Леонович.

– Наверно есть. Только у нас, это в паутину не выкладывают. Это неполиткорректно.

– Но слухи ходят?

– Слухи ходят.

– И, как – убивают, грабят? Не дай бог – насилуют?

– Сексуального насилия у нас нет. Если хочешь как-то по особенному – бери робота, андроида, и вытворяй, что хочешь. Это, даже приветствуется Санитарным Комитетом. Грабить, у нас, нечего. Иди и бери, что хочешь! Все есть, в рамках статистики.

– Значит – полное равенство? А, как, у вас с коррупцией?

– Про такое, я не слышал. Это что? Может у нас, как по-другому называется.

Леонович стал объяснять. Лосиков, как мог, помогал ему. Только было видно, что до Хронометриста не доходит. Тогда слово взял Мелешко. Здесь сказались преимущества его высшего образования, хоть и начального. Мелешко толковал Хронометристу, что значит – коррупция.

– Нету, у нас такого. Наверно изжили в ходе, совершенствования. – Вдохнул инопланетянин.

– А, самые ответственные товарищи, тоже, в пеналах живут? – Словно невзначай, спросил Леонович.

– Нет. У них служебное жилье. При административных учреждениях. Где они трудятся. Чтобы не тратить драгоценное время, по дороге, на работу.

– А, там, в учреждениях, пеналы поменьше или побольше?

– Там, не пеналы. Там – служебное жилье. Квартиры, по-вашему. И коттеджи.

– Это наверно, потому, что они – постоянно на посту. Трудятся, не щадя себя?

– Наверно. – Сказал Хронометрист и, употребляя колбасные изделия, задумался о чем-то важном.

Думал, он, до тех пор, пока ему не налили четвертую.

ИНОПЛАНЕТЯНЕ УЖЕ СРЕДИ НАС. В МОЛОЧАЕВСКОЙ АНОМАЛИИ ЖЕНЩИНА ПОЛУЧАЕТ АЛИМЕНТЫ НА РЕБЕНКА, С АЛЬДЕБОРАНА.

После истории с сексуальными домогательствами, спецгруппа ЦРУ отсутствовала в Молочаевке почти целый день. Группа разведчиков прибыла в Молочаевку, только под вечер, когда основная масса дипломатов уже немного притомила и сидела в кафетерии колом, рассуждая о тщетности своего бытия.

Задержка, у «церэушников» была связана, с вчерашним написанием подробного рапорта, о фактах сексуальных домогательств, в отношении руководителя группы. Ночью пришла шифровка, что до получения инструкций, все должны оставаться на месте и никуда не соваться. Группа засела на конспиративной квартире в ожидании инструкций. Ожидание затянулось. Только, когда в Америке начался новый день, оттуда пришли рекомендации, о нежелательности дальнейшего продолжения юридической процедуры. Тонкие намеки, открытым текстом, в депеше, свидетельствовали о том, что руководство Восточноевропейского отдела находится в ярости. Там, прямо не говорилось, но недвусмысленно подчеркивалось, что руководитель группы – должность ответственная и престижная, что на нее имеется много более достойных кандидатур, с незапятнанной репутацией. Сесилии Хаттон рекомендовалось работу в аномалии продолжить, но впредь избегать ситуаций порочащих высокое звание американского разведчика, на международном уровне. Информация просочилась, сообщали из центра. Обвиняемого видел весь мир. По количеству просмотров интервью, со злоумышленником, не поддается исчислению. Еще один такой штрих, на, и так непривлекательную личину Управления, и Хаттон сможет начать строить карьеру заново. Где-нибудь в «Макдоналдсе».

Выгрузив своих людей, во дворе бизнес-центра, злая, как черт, Сесилия Хаттон начала распоряжаться прямо на крыльце кафетерия. Хилари Стайнем была отправлена на наблюдательный пост, за последними новостями. Сельму Уотсон, она отправила в обход, по деревне. Моника Реди, по ее приказу поехала в Погорельцы, узнать, на месте эта деревня или нет. Глория Цеткин была отправлена на дорогу, где в первый раз разгружались трейлеры, чтобы выяснит, что там происходит, сейчас. Гордон с решительным напутствием, воздерживаться от употребления спиртных напитков, отправился в лабораторию «Роскосмоса», подкупать ее сотрудников, европейскими денежными знаками.

Первой, через час, вернулась Реди. Она сообщила, что Погорельцы – на месте и, там, ничего не происходит. Следом вернулась Хилари. От нее стало известно, что сегодня «тарелку», снова, разгружали. Груз вывезли в лес. Потом пришла Сельма. Она ничего не сказала, просто пожала плечами. За ней в офис поднялась Глория Цеткин.

Сесилия, вопросительно кивнула ей.

– Скауты – там. – Зло сказала Цеткин. – Плакат поставили: «Место проведения военизированной игры «Зарница». Сами, у тропинки сидят, в карты играют.

При упоминании скаутов, играющих в карты, Хаттон затрясло.

– Значит, там нам пути нет. Что, же – подождем Гордона. – Проще она, сквозь стиснутые зубы. – Возможно, у него будут положительные результаты.

Положительные результаты, у Гордона были. Он появился в бизнес-центр, через полчаса, пьяный и счастливый.

– Надеюсь, вы – с хорошими известиями? – Сурово спросила Хаттон.

– Трудно сказать, но аванс не пропал даром. – Сказал Гордон и, вручив Сесилии бланк подписанного контракта, не стесняясь уселся на ящик, из-под аппаратуры. – Выяснилось, что Тейлора, в Молочаевке помнят. Вроде, даже кого-то похожего видели недавно в окрестностях.

– Где именно? Уточнили?

– Уточнил. Шел на тропе тунеядцев. Больше, Ломако, по поводу Тейлора, ничего конкретного, сказать не может. Он не местный.

– Что, за тропа тунеядцев? Вы бредите?!

– Про эту тропу, в прошлом году, были сообщения. – Сказала Моника Реди, иронично глядя, на руководителя группы.

– Я ничего подобного, в сводках не видела!

– Правильно. Потому, что упоминания о ней проходили по линии Информационного центра. Тейлор, про нее ничего не сообщал, а в перехваченных сообщениях агентов, других государств, такая информация проходила неоднократно. Подобный маршрут используется местной оппозицией, для перемещения грузов и людей. По ней, в эмиграцию уходят, те, кому грозит арест, и перемещаются оргтехника и нелегальная литература.

– Тейлор, к местной оппозиции – каким боком?

– Трудно сказать. – С бесшабашной задумчивостью, сказал Гордон. – Может он, вступив с ними в связь, участвовал в финансовых махинациях, а теперь они его шантажируют и держат на коротком поводке.

– Ну, другой версии, по всей видимости, нет. Если, только он не стал коммунистом и не перешел на сторону партизан.

– Еще существует возможность, что он подсел на местные продукты. У которых, побочные эффекты проявляются в форме икоты. – Озвучил еще одну версию Гордон.

Хаттон, оглядела подчиненных. Женская составляющая группы, отрицательно пожала плечами. Снова слово взял Гордон.

– А, может, он связался, здесь с нелегальными торговцами драгоценными камнями?

– Какими камнями? Вы бредите, на почве, алкогольного опьянения?! Какие драгоценные камни, могут быть, здесь? Ничего, тут нет. Ни нефтяных пластов, ни газовых месторождений, ни горных пород, в которых драгоценные камни рождаются. Ничего.

– А, я сегодня видел! – Упрямо сказал Гордон. – Изумруд. Необработанный.

– Ну, и, что?

– Большой изумруд.

– Сколько карат?

– Килограмм семь – восемь.

– Все ясно! Отправляйтесь спать! Идите на пост. Там, на заднем сидении, проспите.

– Ломако сказал, что тут, из космоса, постоянно такие камни падают. Поэтому, их лабораторию, в этой местности, развернули.

– Спать – я сказала! Когда придете в себя, смените Хомсварта.

ЛУННАЯ СТАНЦИЯ ИНОПЛАНЕТЯН БЫЛА ЭВАКУИРОВАНА В МОЛОЧАЕВКУ!

– Надо поторапливаться. – Сказал майор Злыдник, открывая вечернее, итоговое, совещание.

Оно проходило во дворе конспиративной квартиры КГБ, за представительным столом, Галины Константиновны. Присутствовали, почти все, кто был на утреннем совещании, за исключением Ирины Витольдовны, Матюхина и туристов, из секретного подразделения.

– Завтра утром, они транспортный блок достроят. Начнут получать комплектующие, для механического завода. На его возведение и наладку уйдет двое суток. А потом, хоть голову, на плаху, ложи.

– Мы еще три объекта легко потянем. – Сказал Леонович. – Тут рядом, в Прочках.

– Где-где?

– В Прочках. Село, так, называется – Прочки. Только это новое название. До эволюции, оно «Ленинское» было, а до советской власти не знаю. Я, в истории, не силен. Там места, для утилизации – особенно, хорошие. Там целые комплексы разворачивать можно.

– Это все хорошо. Только, в конце концов, это, только, затяжка времени. – Сказал Злыдник. – Расскажите, лучше, о проведенных оперативных мероприятиях.

– Докладываю! – Взял слово Лявон. – За стол, сегодня, сели все. И белые и зеленые. Ели с аппетитом. Только, я не совсем понял, каким боком, это – к нашим проблемам?

– Я, сам, не до конца понимаю. Но, кое-что просматривается. Я тут побеседовал кое, с кем. Сделаем попытку затормозить индустриализацию. Павел Степанович, как Хронометрист, на нашей стороне?

– Хронометрист – парень, что надо. Не зря он с Гидропоником и компанией, дружбу водит. А ведь, только недавно, на волю вышел. Поговорили, мы, с ним. За «матюхинским», десятилетним. Во время первого подхода он окончательно расслабился...

– Что было несколько подходов? – Перебил Злыдник.

– Два. – Подтвердил Павел Степанович. – Так вот, до того, как отрубился, после четвертой, начал высказывать недовольство, существующим на родине строем, своим внешним видом и, даже, прошелся, по Декларации. Во время второго подхода, после похмела, поговорили о сувенирах. Провели совместное расследование. Выяснилось, что воду, у них, мутит Астронавигатор. Есть у них, такой специалист. У него тридцать второй номер. Выше, только – тридцать третий, Галактик. Он, на его место, давно метит. Только не подсидит никак. Хотя и мечется, как не знаю, кто; во всех дырках затычка. Он предложил ходить, на встречу, с подарками. И, вид сувениров предложил, тоже, он. Все обрадовались. Никто, от него, не ожидал такого. Ну, и, вскрыли свою кунсткамеру. Про нее совсем забыли, на какое-то время.

– А, Астронавигатор, значит – напомнил?

– Ага! Я думаю – решил, что мы на это поведемся и проявим темные стороны своего «Я». Хронометрист, когда, до него, дошло, хотел поднять вопрос на собрании, но я отговорил. Спрашиваю: «Что ему будет»? Он говорит: «Ему будет стыдно». Я говорю: «Не будет. Раз он такое придумал, то – гад, еще, тот»! Короче, решили действовать, против Наводчика, его, же, методами. Хронометрист сказал, что будут носить, пока запасы не кончатся. Потом настучат, куда надо, поднимут вопрос на собрании. Баллы снимут. Астронавигатору солоно придется.

– Вы, хотите сказать, что они и дальше, нам, алмазы носить будут? – Оторопело спросил Фирсов.

– И, алмазы, и всякое, другое. У них, там, чего, только нет! И алмазы, и топазы, и другие минералы всякие. Я сказал, чтобы только минеральные штуковины носили. Маски туземцев, с других планет, дудки, копья, шкуры невиданных зверей – нам, без надобности. Хронометрист задачу понял. Сказал, что доведет, до сведения товарищей. Он, сейчас, к себе, на оздоровление пошел. Завтра еще поговорим. Только у него есть две просьбы.

– Соразмерные, нашим силам? – Спросил Злыдник.

– Одна – соразмерная, вторая – не очень. Он просил, ему, завтра, на обед, чего-нибудь нашего подкинуть. Говорит, что на блюда Биолога, смотреть, ему, теперь, не хочется. Я заверил, что накормим. И не только его, а, и, всех остальных тружеников галактической промыш-

ленности. Которые работают, на местности. Поставим полевой стан. Со второй просьбой – посложнее. Просил с женщиной познакомиться. Как бы это выразиться потолерантнее?! С одинокой женщиной. Во! Я его огорчать не стал, сказал, что подумаю. Только, хочу сказать, сводничество – не по моей части. И, не в наших правилах. Я этим заниматься не буду.

За столом воцарилось молчание. Все осознавали серьезность ситуации.

– Ко мне, сегодня Комитетчица приходила. – Раздумчиво, сказал Марченко. – Долго ходила вокруг, да около. Потом стала заявлять претензии. Мол, всех мужиков расхватали. Она живет на отшибе, с краю. Поэтому осталась ни с чем. Интересовалась, как у инопланетян обстоят дела, по части семьи и брака. Я, ей, на эту тему, ничего сразу сказать не мог. Сказал, что если узнаю, то скажу.

– Скажи ей, что пусть сама поинтересуется. – Сказал Леонид Павлович. – Мы, с питанием астронавтов, вопрос до конца не решили. Стан ставим, а поварихи нет. Скажи ей, что если возьмется, обеспечивать питанием сотрудников галактической миссии, сможет узнать все, из первых рук. Тут никто нас, в сутенерстве, не обвинит. Просто идем, на встречу, одиноким сердцам.

На речь Лявона, все отозвались одобрительным гулом.

– Теперь перейдем, к серьезным вещам. – Оборвал гудение, Злыдник. – Мы, с Директором, с ними, тоже активно общались, сегодня. С инопланетянами. Выяснилось, что хотя у них, там – всеобщее равенство, политкорректность и толерантность, вместе взятые, но бюрократия существует. Причем – в огромных масштабах. Там – каждый третий бюрократ. Различных комиссий и комитетов – ни счесть. Но почти все – временные. Постоянных комиссий девять. В них работают, на постоянной основе, без срока давности. Практически – пожизненно. Непостоянным комиссиям и комитетам, нет числа, но они постоянно обновляются. Как положено, все имеют разные льготы. Все правдами и неправдами желают занять служебную дачу на приятной планете, расширить жилплощадь и все, такое прочее. Еще, мы окончательно уточнили, у них там – сложная продовольственная ситуация. Не в плане, что голодают. С рационом, у них – беда. По пищевому потреблению, у них, тоже – статистическое равенство. Ктонибудь пробовал, что они едят? Нет? А, мы, с Директором, попробовали. Дрянь ужасная. Хоть и питательная, и, со всеми нужными, витаминами. Но, из чувства солидарности, ее едят все. Даже члены постоянных комиссий и сам председатель Верховенствующего совета, Верховный Декламатор. Это на их Кольце – такое. У них зеленые уже победили. Экологи стоят во главе народа. Животные обрели права. Правда, ограниченные, но на мясо не пустишь. В командировках, конечно, проще. Там можно попробовать натуральное, но только овощи и фрукты. И, то, если повезет. Человеческих планет в космосе мало. Больше насекомые всякие.

– Инсектоиды. – Сказал Ржавый, довольный, что, наконец, запомнил, это слово.

– О, них, и – речь. Эти едят или друг друга, или целлюлозу всякую. На человекообразных планетах, у них, то каменный век, то ядерная зима. Человеческих продуктов, они давно не видели. На заре времен, они в ходе классовой борьбы, пришли к статистическому равенству и, до сих пор в нем пребывают. Поскольку население регулярно высказывает претензии к качеству пищи, там, у них – масса институтов, которые этой проблемой занимаются. Но раз институтов масса – проблема стоит, на месте. Химические добавки, усилители вкуса, они, в силу толерантности отвергают полностью. Готовят их водорослей и искусственных материалов. Улучшают, конечно, вносят в меню, граждан новые составляющие, чтобы имитировать бурную деятельность, но улучшений – ноль. Трава, она и есть – трава. Плюс, к этому, если решить проблему – прощай служебное жилье, коттеджи и исследовательские центры, на других планетах.

– Нас, это, каким боком касается? – Спросил Ржавый.

– Я выяснил. Они, везде ищут новые виды флоры и фауны, которые исследуют скрупулезно, для использования, в своих целях. Отовсюду, им шлют образцы кормовых растений и белков. Думаю, надо и нам послать.

– И – что? – Спросил Лявон.

– Только, послать надо не траву и соскобы, с наших хомяков, а готовые блюда. Вроде, как ошиблись, при отправке. Или, не поняли, чего им надо, слать. Леонид Павлович, можно с Хронометристом договориться, насчет этого.

– Думаю, можно. По крайней мере, попробуем.

– И, послать надо не пробирочное количество, а солидный объем.

– Сколько? – Поинтересовался Леонович.

– А, сколько они могут взять на борт? Какая вместимость у их контейнеров?

– Допустим, они тонну принимают.

– Вот тонну и пошлем. Чтобы на всех хватило. На все постоянные комиссии, при ихнем совете. Я, так прикинул, что постоянные, там – самые главные. Все нити управления, в их руках.

– Не понимаю, что нам, это даст? – покрутил головой Фирсов.

– Давайте, пошлем и посмотрим, что с этого получится. Только в контейнер, нужно вложить подробную инструкцию, что с присланным делают, на Земле. Как едят, в каком порядке. Как пьют и чем закусывают. Я поговорил с Заслоновым. Он поговорил со своей Медичкой. Та обещала помочь с составлением инструкции, чтобы это выглядело поофициальнее. Официально груз пойдет, от лица подруги Агейкина. От Архивариуса. Это, правда, не в ее компетенции. Подобными посылками, Биолог занимается. Но этот – не нашей стороне. Биолог, пока, зеленый и гендерно равновесный. Архивариус, тоже занимается поставками, но шлет неодушевленные предметы. Амфоры, пейзажи, с натуры, и все такое. Она согласна ошибиться, с объемом и составом груза и потерять, на этом баллы. Говорит, все сделаю, лишь бы с милым, еще хоть немного у костра посидеть. Это я образно перефразирую речь Агейкина. Он говорил, об этом долго и нудно. Поэтому хочу сам перекинуться парой слов с этим Архивариусом. Посоветую ей написать, в сопроводительной записке, что эти образцы продовольствия, основа земной цивилизации. На них держаться все наши культурные ценности. Посмотрим, что из этого получится. Не может быть, чтобы никто не припал, к этим истокам, в экспериментальном порядке.

После этого обсудили проблему с количеством и качеством продуктов, которые следовало приготовить, к отправке. Поговорили об окружающей обстановке. Серафима Францевна обратилась к Злыднику, организовать пост ГИПДД в деревне.

– А, то дипломаты носятся, сломя голову, как бы чего не вышло. Что случится – в лес пойдут, без всяких поблажек. Нам, их неприкосновенность – побоку.

– Да. Дипломатические трения нам, ни к чему. – Согласился Злыдник, и пообещал заняться этим вопросом, прямо с утра.

Когда все разошлись, и они с Фирсовым остались одни, на конспиративной квартире, полковник спросил:

– Что с камнями делать решил?

– Почти решил, но еще надо додумать. Прикинуть кое-что. Обмозговать все варианты.

– Надо докладывать.

– Надо. Только, рано еще.

– Почему?

– Посудите сами. Я доложу. Тем, кому я доложил, тоже докладывать придется. Хорошо если вопрос отложат. А если найдутся горячие головы, а такие найдутся, потребуют все сдать в фонд государства, немедленно. Чтобы не пропало. Как потом выкручиваться будем перед мировой общественностью. Если алмаз в город перевезем – утечка информации, точно, будет.

Там болтунов предостаточно. Появятся вопросы. Иностранные разведки станут плотнее интересоваться объектом в поле. И все! Операция прикрытия пойдет насмарку.

– Тут, ты, конечно прав. Только влетит.

– Влетит, так влетит. Мне не привыкать. Вы, тут не причем, это не техническое.

– Ты, Иван, давай не жмись. Если будем отвечать, то вдвоем.

– Там – посмотрим. Тут все зависит, какая сложится ситуация с этими подвесками, в плане легализации.

3-ЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК, ИЗ ГОМЕЛЯ, РАССКАЗАЛ О ПРИХОДЯЩЕМ НОЧЬЮ, К МАМЕ, ПРИШЕЛЬЦЕ И НАРИСОВАЛ ЕГО.

По окончании совещания, Злыднику было предложено поужинать в обществе Галины Константиновны и полковника Фирсова. Однако он тактично отказался, заявив, что ему надо посетить лагерь туристов, где он и перекусит.

За калиткой майора поджидала Тоня. Чтобы скрасить ожидание, она вступила в беседу с местными жителями, которые присутствовали на лавке Галины Константиновны. Местные жители были преклонного возраста, но общались с девушкой почтительно. Уважительное отношение, к ней, было вызвано не столько ее уникальными способностями, сколько тем, что между Тоней и майором, были замечены особые отношения. Все в деревне, говорили, что Злыдник попался и навряд ли сумеет вывернуться, из этой ситуации.

– Спекся. – Уверенно заявляли, разбирающиеся в подобных вещах, люди. – Попался соколик, теперь ему одна дорога – под венец.

Прибыв в лагерь туристов, Злыдник и Тоня обнаружили там идиллическую картину. Разухабистых танцев не наблюдалось. Баян Невского отдыхал. Двое гитаристов, Матюхин и Пшеничный, не пели, просто лениво перебирали струны. Народ на поляне не роился, а кучковался небольшими группами. Группы представляли собой пары, тройки и, максимум, четверки. Все это напоминало великосветскую вечеринку, на которую, так и не удалось попасть Координатору.

Еще выйдя из машины, Злыдник подобрался. От расслабленности, которая присутствовала, у него, после совещания, не осталось и следа. Стоя на краю поляны, в слабых отблесках пламени костра. Он внимательно оглядывал поляну и людей, присутствующих на мероприятии. Взгляд у него был пронзительный и строгий, такой, какому положено присутствовать у сотрудников органов безопасности.

Тоня успокаивающе взяла его под руку, демонстрируя этим жестом, что напрягаться, не стоит, все – в рамках приличий, замыслов свергнуть существующий строй, ни у кого нет. Они прошлись краем света и тьмы, и вышли на Лявона. Тот расслабленно курил, сидя на пеньке.

– Как, тут, у вас дела? – поинтересовался Злыдник.

– Нормально. Романтическое состояние, у присутствующих. Буколики. – Сказал Леонид Павлович.

– Людей, вижу, прибавилось.

– Есть, такое.

– Вон, тот – рядом с Архитектором, не могу вспомнить, кто – не скажете?

– Гонсалес Энрике. Генрих, по нашему. Атташе по культуре Испании.

– Он, здесь – каким боком?

– Обжился. Прикипел, к нашим культурным ценностям. – Усмехнулся Лявон. – В прошлом году, себя хорошо вел. В этом году, как приехал, сразу – к своей прошлогодней квартирной хозяйке отправился. Так и так, говорит, Мария Сергеевна, прибыл по долгу службы.

Но без вашего разрешения шагу не ступлю. Может, говорит, чем поможете. Вот, такие дела. Он ей ягоды собирать помогает. И по хозяйству. Она ему советует, что писать, в Мадрид.

– Он, в лес, значит, ходит? – Спросил Злыдник.

– Днями, в лесу, пропадает.

– Тогда – порядок. А, вот тот, который рядом с девушкой, у которой ноги?

– Так, это – Тернор, из Америки.

– Филипп?

– Он, самый. А девушка, это – Нелка Долговязая. Она его, под крыло взяла, когда он границу пересек и в себя пришел. Он, когда она, так сказала, не поверил, думал, опять крыша поехала. Потом, все-таки поверил. Решил, что это награда ему, такая, за перенесенные, на родине, страдания.

– Досталось, там, ему?

– Особо, не рассказывает, но видно – натерпелся. Зашуганный.

– А, эта, Нелка или Нелли, у вас – девушка гордая. Со своими не мутит. Американского принца ждала.

– Несчастливая она баба. В городе была бы нарасхват. А, тут! Гоблинам, сисястых и жопастых подавай. Нелка – не в их вкусе. Маялась одна, пока Филипп не появился. Этот, так сразу не поверил, что такая деваха, к нему – с чувствами. Когда поверил, сразу – за нее, руками и ногами. Сказал, что черт с ней, с Америкой. Говорит, ради такой девушки, на все готов.

Леонид Павлович, внимательно посмотрел на Злыдника и спросил:

– Что-то, ты, Иван Иванович, сегодня – не в духе. К людям цепляешься?!

– Да, так. Разговор, у меня, предстоит серьезный. Не знаешь, Архивариус, сегодня, пришла?

– А, куда она денется? Мичмана видишь? Та, что – рядом, и есть – Архивариус. Они, друг от друга, ни на шаг. Она, даже ревновала его, к Архитектору. Пока Гонсалес не появился. Теперь, когда этот, возле Архитектора, крутится, матадором, она успокоилась. А, так, у нас тут, прямо, сериал намечался или дом, какой. Я про тот дурдом говорю, что по телевизору.

Глава тринадцатая

Утром, прибывающие в Молочаевку дипломаты отметили появление, у въезда в деревню, поста ГАИ. Заступившие на пост, еще затемно, майоры Мирончик и Иванов, не очень понимали, что они тут делают. Сорвали их с «хлебного» места, неожиданно-негаданно, велели ехать в богом забытую деревню приступить к выполнению служебного долга, не заезжая в населенный пункт, на его окраине. Вначале, у обоих, мелькнула мысль, что они где-то прокололись и это прелюдия, к грядущим неприятностям. Потом, после инструктажа, на котором высокое начальство призывало их нести службу особо ответственно, не ослабляя бдительности, тревога улеглась, но вопросы остались. Когда, во время инструктажа, Мирончик осторожно поинтересовался, чем вызвано, такое внимание к захудалой деревне, начальство высказалось в его адрес очень резко, с примесью нецензурной брани. Майорам стало ясно, что начальство само ничего не знает, и приказ, об организации поста ГАИ, поступил откуда-то сверху. Причем с заоблачных высот, раз начальник областного управления – не в курсе.

Прибыв на окраину Молочаевки, гаишники осмотрелись. Только в темноте, рассмотреть ничего толком, не удалось. Усевшись в машину, они стали обсуждать случившееся, но ни к каким определенным выводам не пришли. Единственное разумное предположение высказал Иванов.

– У, кого-то наверху крыша поехала. – Сказал он, и Мирончик с ним согласился.

Первая машина, с дипломатическими номерами, проехала мимо них, на самом рассвете, когда солнце, только посеребрило траву, росой. Гаишники переглянулись и вышли пораз-

мяться. Не успели они выкурить, по сигарете, как мимо них проехало, еще одно авто, с красными номерами. Потом дипломатический транспорт пошел потоком, не сплошным, но непрерывным.

В промежутках, майоры выходили на середину дороги и внимательно смотрели в глубь деревни. Ничего необычного, там, не было, обычная деревенская улица. Только, черт возьми, что, тут за чертовщина творится. Гражданских машин, раз-два и обчелся. Одни дипломаты едут. Куда?!

– Может, у них, тут симпозиум, намечается. – Сказал Мирончик и Иванков, вынужден был, согласиться, с этой версией.

В ДЕРЕВНЕ СОЛОНЕ, ПОД ЖЛОБИНОМ, НАЙДЕН ПРИВОДНОЙ МАЯК ИНОПЛАНЕТЯН.

Дипломаты отметили появление на окраине деревни, поста ГАИ, но не очень удивились этому. Все восприняли, это, как должное. Гораздо больше всех интересовало, не улетела ли тарелка. Все съездили, в поле и убедились, что тарелка, на месте. С поля, все ехали напрямик в бизнес-центр, где буфетчица, уже успела выставить свежие бутерброды и закуски. Кофе-автоматы были заправлены, помещение проветрено. Оно наполнилось быстро. Дипломаты перекусили, но не расслабились. Все тревожно поглядывали друг на друга и чего-то ждали. Неловкая пауза тянулась до той поры, пока в кафетерий, не ворвался запыхавшийся доминиканец Рамон Вега. Лица присутствующих вытянулись, ему навстречу.

– Слышали! – Провозгласил Рамон, с порога. – Есть новости – про метеорит, который упал!

Интерес у всех, разом, пропал.

– Местные его нашли! Сегодня выставят в местной галерее!

Все, кто сидел, вскочили, все кто стоял – подпрыгнули. Сообщив новость, почетный консул ринулся обратно. За ним следом, бросились остальные. Куда они бегут, никто не знал. Ноги, у всех, бежали сами. Только во дворе, некоторые опомнились и стали притормаживать. Способность здраво рассуждать, впрочем, вернулась не ко всем. Человек десять заскочили в машины и поехали. Куда они едут и зачем они не знали сами. Половина повернула в сторону тарелки, другая половина в сторону трассы.

Когда пять машин выехали, из деревни, майоры Мирончик и Иванков, не придали этому значения. Что движение, в этом населенном пункте, оживленное, они уже поняли. Однако, когда, через пять минут, эти, же, машины вернулись обратно, переглянулись и стали чесать головы.

МОЛОЧАЕВСКАЯ АНАМАЛИЯ – ЗООПАРК, ДЛЯ ИНОПЛАНЕТЯН!

В шесть часов тридцать минут, при большом стечении праздных зрителей, Хронометрист дал отсчет, новому историческому периоду в истории планеты Земля. С ее поверхности, в космос стартовал грузовой космический аппарат. В открытом космическом пространстве, он должен был сориентироваться и отправиться в направлении изобильной и любвеобильной к, не достигшим совершенства, братьям своим, по разуму, планете Нанайя. Контейнер был пустой, пробный. Он должен был проложить путь для потока гуманитарных грузов по маршруту «Земля – Нанайя».

В то, же, время на стартовой площадке, готовился к запуску второй аппарат. Этот должен был уйти, уже груженым. Пункт назначения контейнеру был задан такой: «Нанайя. Совнарком. Постоянная комиссия по Культуре». Возле распахнутого люка суетились земляне и нанайцы. Народу было человек десять. Со стороны нанайцев, активное участие в погрузке,

принимали Хронометрист, Медик и Архивариус, которую, за глаза, земляне называли Товароведом. Здесь, же присутствовал и мичман таможенной флотилии Агейкин, который бдительно следил, не столько за соблюдением таможенных правил, при отправке груза, сколько переживал за свою инопланетянку, к которой присох намертво.

– Инструкцию, насчет бочонков, правильно составили? – Волновался Директор.

– Правильно, правильно. – Успокаивал его Леонович. – Краники, прямо к бочонкам, скотчем, примотали. И дополнительные инструкции, как их вкручивать, рядом приклеили.

– Ну, кажется – все! – потер руки Злыдник, который лично присутствовал, при отправке груза. – Закрываем.

Когда Хронометрист, закрыл контейнер, на все задвижки, Елена Павловна подняла его в воздух и подтащила к зарядному устройству. Вдвоем с Хронометристом, они зарядили пусковую установку.

– Жаль, отца Федора не позвали. – Сказал Леонович.

Хронометрист нажал кнопку и контейнер с продовольственными образцами, со свистом, отправился в зенит.

– Отца Федора нет. Тогда, я скажу. С богом! – Напутствовал полет транспортного модуля Лявон.

– Завтрак готов. Все идут завтракать! – Подала голос от накрытых столов Валентина Аполлинариевна. – Товарищ Хронометрист! Я знаю, у вас – перерыв. Идите кушать, пока горячее!

– Иван Иванович, пойдемте, и мы, закусим! – Обратился к Злыднику, Леонович.

– Прости, Михаил Степанович. Не буду. Мне в город, на доклад ехать. Лучше, чтобы, во время этого мероприятия некоторая легкость в организме присутствовала.

БЕЛОРУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СОБИРАЕТСЯ ОПУБЛИКОВАТЬ СЕКРЕТНЫЙ ДОКЛАД, О КОНТАКТАХ С ИНОПЛАНЕТЯНАМИ.

Известие, переданное белорусскими радиостанциями, что в районе Молочаевки упал метеорит, что место падения обнаружено и его остатки найдены, застало Сесилию Хаттон и ее боевых подруг, в дороге. У Сесилии, в связи с этим возникли смутные ассоциации, с вчерашними словами Гордона, о том, что в районе Молочаевки, это частое явление, но эти мысли быстро вылетели, из головы, потому, что они как раз подъехали к бизнес-центру и обнаружили, что все парковочные места, внутри ограды заняты. Пока американки возмущались, пока Цеткин ходила в кафетерий разбираться, с нерезидентами центра, во дворе возникла суматоха официальные дипломаты и дипломатические работники стали разъезжаться, и парковочное место освободилось само, собой. Когда Цеткин приволокла за шиворот почетного консула из Мексики, чтобы он освободил место, машину, уже припарковали. Впрочем, мексиканца продолжали удерживать, потому, что, у работниц ЦРУ, возникли вопросы, по поводу массового отъезда. Основательно струхнувший, Амистад Кампос, опасаясь, что его без промедления, отправят в Гуантанамо, сразу выложил все.

– Галерея открывается. – Сказал он. – Все туда поехали.

О том, что в Молочаевке имеется картинная галерея, сотрудницы американской разведки знали. Однако высказали удивление, по поводу вспышки интереса, к местному искусству.

– На метеорит, поехали смотреть. – Сказал мексиканец. – Говорят, там, что-то невообразимое упало.

Пленного освободили и провели короткое совещание. В ходе беседы пришли к решению, что на метеорит взглянуть надо. Чтобы потом подробно отчитаться перед руководством.

У дома, похожего на маленький Капитолий, народа было достаточно. Кроме дипломатов присутствовали местные жители, что свидетельствовало о том, что метеорит не шутка. Встав в небольшую очередь, разведчицы быстро попали внутрь и поднялись на второй этаж,

где демонстрировался космический объект. Нахально протолкавшись, через толпу, окружавшую экспонат, они оказались в первом ряду и, их глазам, предстало космическое тело. Тело было странное, не оплавленное, не рассыпавшееся при падении, на кусочки. Это был цельный кристалл, вытянутый вверх и тупо заостренный в окончании. У него присутствовали резкие грани. Структура была полупрозрачная. В целом он смахивал, на большую стеклянную призму, неправильных очертаний. На обтянутом бархатом постаменте, у основания кристалла, стояла табличка.

– Минералогическая шкала твердости – 10. – Прочитала Хаттон.

– Интересно, что это значит? – спросила Цеткин.

– Такая твердость, на земле, только, у алмазов. – Сказала Стайнем.

– Что вы хотите этим сказать? – Искрение удивилась Хаттон.

– Ничего. Подобную твердость, по шкале Мооса, имеют, только алмазы.

– Какой, же, это – алмаз?! – Удивленно сказала Сельма Уотсон, пристально вглядываясь в метеорит. – Сколько, эта штука, может весить, по-вашему?

– Камень большой. Килограмм десять, может весить. – Прикинула, на глазок, Хилари Стайнем.

Все четверо, разом, посмотрели, друг, на друга. Всем припомнился вчерашний малосвязанный доклад Гордона. Когда его спросили, сколько карат весит, изумруд, который ему продемонстрировали в лаборатории «Роскосмоса», он сказал нечто подобное. «Килограмм, семь – восемь», – сказал он, по поводу изумруда.

У всех четверых, внутри, начались нервные позывы. Особенно сильно трясло Сесилию. Однако она быстро взяла себя в руки и начала отдавать распоряжения. Распоряжалась она, в режиме чревовещания, почти не открывая рта и не разжимая зубов.

– Сельма, надо выяснить, позволят ли нам провести независимое обследование. Моника, отправляйся за Гордоном. Отправь его сюда. По дороге вызови, из Минска Хомсварта. А, пока он приедет, заступи на наблюдательный пост. Хилари, ты отправляйся в посольство. Попробуй раздобыть оборудование, для проведения экспертизы. Встречаемся, через час, в Центре. Я побуду, здесь немного. Посмотрю – что, и – как.

В МОЛОЧАЕВСКОЙ АНОМАЛИИ ЗАФИКСИРОВАНО ПАДЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА.

На совещании у председателя Комитета Государственной Безопасности, из пяти начальников управлений, присутствовали, только четверо. Отсутствовал полковник Фирсов. Его отсутствие компенсировалось, наличием майора Злыдника, руководителя Инициативной группы из Центрального Управления. Сам начальник Центрального, полковник Бурый, был то ли зол, то ли, просто, мрачен. То ли он, вообще, раздумывал о перспективе, перехода на другую работу. Председатель комитета, генерал Аксамитов, долгое время не мог найти слов, чтобы открыть совещание. Генерал Жемчужников, ушел мыслями в себя, что случалось редко. Полковники Федосов и Шконда, не знали причин напряженности и, как реагировать на эту обстановку. Что Злыдник что-то намутил, было ясно, только параметры катастрофы, были неизвестны начальникам Аналитического и Межведомственного управлений. Поэтому они просто смотрели в стол и ждали, что будет дальше.

Наконец, Аксамитов нашел нужные слова и спросил:

– Майор, что падение метеорита, в самом деле, было, а если оно было, то, почему я узнаю об этом, из «Интернета». Кстати, полковник Федосов, в «Сеть», это сообщение пошло?

– Мне ничего не известно. Мне не докладывали. Могу выяснить.

– Выясните потом. Все равно поздно. Майор, так, что, там – с этим метеоритом?

– Не было падения, генерал! Недостовверная информация. Видимо, в НАСА засекли посадку зарядного устройства.

– Так! А откуда пошла информация, про метеорит? – немного оживился Аксамитов.

– От меня, товарищ генерал.

Аксамитов взглянул на Жемчужникова. Тот, только вздохнул и ничего не сказал.

– Откуда этот бред, майор?! Про метеорит с алмазной составляющей?!

– Так, алмаз, действительно присутствует. Весом восемь килограмм, девятьсот семьдесят шесть грамм. В каратах, это – сорок четыре тысячи восемьсот семьдесят. Что с ним делать? Откуда мы его взяли? Копей царя Соломона, в Белоруссии нет. А поток информации о падении метеоритов, на нашу территорию возрастает. И зарядка идет, и транспортная трасса, с Нанайей, заработала. Тут, мы двух зайцев убили. Разом. Убедим противника, что это не грузоперевозки, а космическое явление.

– Алмаз – откуда? – Подал, наконец, голос Жемчужников.

– Инопланетяне презентовали. Местным жителям, в качестве сувенира, на память. Те, как положено, передали властям. Оприходовать его надо, как-то? Ну – вот!

– Как-то, по-другому, нельзя было сделать? – спросил Жемчужников.

– А, как, товарищ генерал?! Сказать, что его в карьере с гравием нашли, где-нибудь в Микашевичах? Это неправдоподобно будет. Не та геологическая формация. Никто не поверит.

– А, в метеорит, значит поверят?

Глаза Жемчужникова, стали оживать.

– Поверят, не поверят – не знаю. Только опровергнуть никто не сможет. К тому, же, там еще изумруд есть. Сувениров было два. Изумруд, таких, же параметров. С ним, тоже, что-то придется делать. Я специально узнавал. Изумруды и алмазы в разных пластах залегают. Совместить их не удастся.

– Может, в самом деле, было лучше сказать, что его в карьере нашли? – Спросил Аксамитов.

– Думал. Но отверг, такой вариант.

– Обоснуй.

– У кладоискателей возникнет предположение, что там алмазные россыпи. Что алмазов, там – пруд, пруди. Только раньше, никто не обращал, на них внимания. Пока большой не бросился в глаза. Получиться, что у нас драгоценные камни, по всей стране рассыпаны. Присутствуют в дорожном покрытии, железнодорожных насыпях, фундаментах зданий. Искатели, они – больные на голову. Они все это ворошить начнут. Аварийность, нам, не только, на дорогах обеспечена. У нас, здания рушиться начнут, когда фундаменты ковырять станут.

– Хорошо! – Зло взглянул, на Злыдника, Аксамитов. – Подождать, с этим, нельзя было?

– День, два можно было подождать, но не больше. А согласование, в инстанциях, могло затянуться на более длительные сроки.

– Обоснуй!

– Обосновываю. Если с инопланетянами, по-хорошему, договориться не удастся, придется их утилизировать и начинать переговоры, с главами ведущих государств. А, для переговоров, нужны вещественные доказательства существования пришельцев. Инопланетяне, конечно никуда не денутся. Тут останутся. Но если мы, им, без тарелки, каких-то трансвеститов покажем, кто, нам, поверит?

– Предприятия покажем. – Сказал Жемчужников.

– Покажем. – Согласился Злыдник. – Если они не растворятся, ненароком. На селе, народ непредсказуемый. Мало, что, им, в голову, придет.

– Может, он и прав. – Сказал Жемчужников.

– Доложить, предварительно, не мог?! – Спросил Аксамитов.

– Не мог. Я бы доложил. Вам бы пришлось докладывать, выше. Решение могло бы затянуться. Мало того, могло бы начаться широкое обсуждение. А, теперь, осталось, только доложить. По факту, пусть обсуждают. Операцию прикрытия, это никак не заденет.

– Операция прикрытия, еще нужна? – Спросил Жемчужников. – Может в свете, непредсказуемости ситуации, стоит немного приподнять завесу? Начать консультации на высшем уровне?

– Ни в коем случае. Операция прикрытия должна продолжаться. Стоит, только позволить надеждам взять верх, над сомнениями, все выйдет, из-под контроля. Даже представители бизнеса, обеими руками, за полную секретность. Говорят – рано. Нужно выждать дальше.

– Как они, там, кстати? – Спросил Жемчужников.

– Нормально. Радуются жизни. В лес ходят, за ягодами. С местным населением общаются. Оказалось душевные люди.

Аksamитов и Жемчужников, удовлетворенно переглянулись.

– Хорошо. С метеоритом разобрались. – Сказал председатель. – Что, там еще, творится?

– Все нормально. Сегодня, механический завод начинают ставить. Фирсов поехал, в качестве надзорного органа. Будет контролировать, ход строительства. Архивариус, с «Лапенд-рюги», передал в Нанайские органы власти прошение, о заморозке трансформации нашей планеты. В-виду, особых обстоятельств, связанных с уникальными особенностями последней.

– Думаешь – клюнут? – С надеждой спросил Жемчужников.

– Трудно сказать. Будем ждать ответа. Надежда есть, но, там – бюрократический аппарат, как в Евросоюзе. А, может, еще – похлеще.

ПАДЕНИЕ МЕТЕОРИТА В БЕЛОРУССИИ – ТРЕВОЖНЫЙ СИГНАЛ. ПО МНЕНИЮ УЧЕНЫХ, ГРЯДЕТ ГЛОБАЛЬНОЕ ПОХОЛОДАНИЕ.

Оставшись одна, Сесилия Хаттон, могла позволить себе, немного расслабиться и попробовать собраться с мыслями. Поэтому, она не сразу заметила, что процент дипломатов, в толпе зрителей, стремительно падает. Но, даже отметив, что многочисленные атташе, по культуре, куда-то испарились, американка не придавала этому, никакого значения. Она решила, что те отправились докладывать начальству, об уникальном явлении.

Тут, Сесилия здорово ошиблась. Исход дипломатов, из галереи, был обусловлен новостью, которую негромко, чтобы не нарушить тишину храма искусства, озвучил доминиканец Рамос.

Новость, не тянула, на алмазную историю, но была актуальна, в свете происходящего в аномалии. Почетный консул сообщил, что у леса формируется транспортная автоколонна. Что машины, по одной выезжают из леса и пока никуда не двигаются, видимо поджидая оставших.

Моника Реди, сменившая, на наблюдательном посту, Гордона, была в курсе происходящего, но ставить начальство в известность, не спешила. Озлобленная, на выскочку Хаттон, она засекла движение колонны, когда, та, показавшись со стороны Погорельцев, медленно проследовала мимо нее. За грузовиками следовал нескончаемый поток легковых автомобилей, с дипломатическими номерами. Решив, что это прекрасная возможность отличиться, а потом подвинуть ныне действующего руководителя, Моника, нагло вклинилась между Швецией и Финляндией, и отправилась в путь.

– Если насыпят, чего, под колеса, то передние все сметут. – Рассуждала она. – В случае непредвиденной обстановки, поеду, внимательно глядя на дорогу. Если на месте разгрузки будут скауты – никуда не полезу. Подожду, чем это кончиться и напишу развернутый доклад. Отмечу, там, что Хаттон, в это время прохлаждалась в местной картинной галерее. Информа-

цию об изумрудном метеорите, я вчера передала. Интересно, Хаттон писала об этом или нет? Надо сегодня особо отметить, что она, вчера, не придала словам Гордона никакого значения.

УЧЕННЫЕ НАСА ЗАФИКСИРОВАЛИ ЦЕЛЫЙ МЕТЕОРИТНЫЙ ПОТОК, НАПРАВЛЕННЫЙ В МОЛОЧАЕВСКУЮ АНАМАЛИЮ. БЕЛОРУСЫ, ПОКА, ПОДТВЕРЖДАЮТ ПАДЕНИЕ ОДНОГО ОБЪЕКТА.

Колонна легковых автомобилей, следующая за «лесными» трейлерами, не вызвала никаких нареканий, на посту милиции, мимо которого они проезжали. Белорусы, даже отогнали машину в сторону, давая проехать всем, без исключения. Большинство дипломатов откровенно радовалось этому. Однако, некоторые, из преследователей, преследуя белорусов, сильно грустили. Поддавшихся особо сильной грусти, было двое: атташе болгарского посольства, Стоянов Димитор и британец Келли. Они вспоминали свою прошлую погоню за белорусами и думали, что эта напоминает предыдущую. Они вообще, сомневался: ехать, не ехать.

Пятеро остальных, участников первого конвоя, отнеслись к сегодняшнему преследованию, без особых сомнений. Вернувшись в молочаевский бизнес-центр, они тщательно избегали друг друга, своими впечатлениями о поездке не делились. Видимо, каждый считал, что попал в странную ситуацию в одиночку и не хотел выставять себя на посмешище. Только Стоянов и Келли были в курсе, что провал в памяти был массовый и связывали затмение разума, с непонятной девушкой в лопухах. Остальные пятеро, видимо приняли местную поселянку за пастушку и считали прошлое недоразумение случайностью; особенностью местной экологии. Девушку, пятеро дипломатов, в один ряд, со своими скитаниями не выстроили. Правда, сегодня, в путь они отправились настороженно. В числе самых последних, плотно закупорившись в своих автомобилях. Барнабас Ксенакис, даже, надел медицинскую маску, чтобы затормозить попадание в организм вредных веществ. В самом хвосте почетного кортежа, пристроились Келли и Стоянов. Все уже поехали, а они все стояли, поглядывая друг на друга. Первым, о служебных обязанностях, вспомнил Томас Келли. Чувство патриотизма и долга, по отношению к правящему монарху, перебороли в душе британца, сомнения относительно ущерба, который может понести его психика, в ходе этого мероприятия. Поэтому он первым сел за руль. Следом, демонстрируя солидарность, отъехал Стоянов.

Конвой не стал заезжать в Молочаевку, а проследовал по объездной дороге и, не доезжая до ручья, повернул направо. В эту сторону, шла обычная грунтовая дорога. У поворота стоял указатель: «Прочки, 17 км». Свернув, у указателя, трейлеры ехали неспешно, такого, же режима движения придерживался конвой.

Стоянов уже начал расслабляться, когда машина Келли, идущая перед ним, подмигнула красным и остановилась. Стоянов, тоже остановился.

– Выходит? Не выходит? – Лихорадочно размышлял Стоянов. – Вдруг, англичанин, уже – того! Или вырубился или нашло затмение разума.

Однако, Келли, живой и здоровый, вышел из машины и закурил у открытой дверцы. Стоянов, тоже вылез на дорогу и подошел к нему. По пути, он все свое внимание сосредоточил на Томасе, желая, убедиться, что тот – в своем уме.

– Как дела? – Спросил болгарин, сблизившись, с британцем. – Что-то случилось?

В ответ, тот молча кивнул вперед. Только тут Стоянов обратил внимание, на трех женщин сидящих у дороги. С первого взгляда, их можно было принять за торговек, ждущих покупателей. Две, так точно походили на обычных теток, у дороги. И ведра, с товаром, были в наличии, у каждой. Зато третья! Стоянов судорожно сглотнул.

– Сколько пальцев? – Спросил Келли, у Стоянова, показывая руку.

– Три. А сколько у меня? Два?! Правильно.

– Я, дальше, не поеду. – Заявил Стоянов. – А, ты, как хочешь. Ну, их – к черту, эти машины с кубиками!

– Вопрос, в том – можно ли поворачивать. – Задумчиво сказал Келли.

– Я в машину не сяду. Я обратно пешком пойду. – Нервно заявил Стоянов.

– Хочешь совершить пешую прогулку, по здешним просторам? Оденься потеплее. Ночевать в поле придется. – Посоветовал ему британец.

– Выход у нас только один. – Заявил Стоянов. – Надо спросить прямо.

– Идти нужно вдвоем. – Сказал Келли. – На всякий случай.

– На какой такой случай?

– Мало ли какой. Идешь, со мной? – Спросил Келли.

Повисла небольшая пауза.

– Иду. – Сказал Стоянов.

Женщины приветливо заулыбались навстречу потенциальным покупателям. Босоногая девушка скучала. Видимо потому, что торговля у нее не шла. У нее, даже, ведерка, с товаром, не было.

– Здравствуйте! – Разом, поздоровались Стоянов и Келли, приблизившись к торговкам.

– Доброго здоровьечка! – Разом ответили тетки.

А девушка просто сказала:

– Здравствуйте.

– Интересуетесь, чем? – Спросила тетка в шортах. – Чего надо говорите. У нас, все есть.

Стоянов с сомнением взглянул на ведра, доверху наполненные большими черными ягодами. Ягоды были величиной с мячик, для гольфа, и выглядели подозрительно.

– Не сомневайся, милок – черника. Съедобно и полезно, для здоровья. – Сказала тетка в шортах.

Для убедительности, она взяла одну ягоду и сунула в рот. Рот у нее был черный и зубов, там, было мало.

– Может, чего другого надо? – Поинтересовалась вторая тетка, в джинсовом костюме. – У нас все есть.

– А, что, у вас, еще, есть. – Спросил Стоянов.

– А, что тебе надо? – Одета в джинсу тетка стала загибать пальцы. – Есть черника, сам видишь! Есть голубика, есть ежевика, земляника, малина. Есть спирт, но он идет баррелями. Есть биотопливо, без акцизов и НДС. Масло миндальное...

– Извините, мы, в данный момент, не готовы, заключить сделку. – Тактично покашляв в кулак, перебил ее Келли. – Мы просто, спросить хотели.

– Не стесняйся – спрашивай! – Сказала тетка в шортах и сунула в рот еще один черный мячик, для гольфа.

Несмотря на ее заявление, что товар – целебный, зубов у нее во рту не прибавилось.

– Скажите, пожалуйста, если мы поедem, в ту сторону, – он махнул рукой, в направлении, откуда они приехали, – мы попадем, в Молочаевку?

– Конечно, попадете. – Ласково сказала девушка.

От звука ее голоса, у Стоянова, сердце, чуть не выпрыгнуло наружу.

– Доберемся до Молочаевки? – Уточнил Келли.

– Обязательно доберетесь. – Доброжелательно улыбнулась, она. – Езжайте, смело.

У БЕЛОРУССКОГО МЕТЕОРИТА АЛМАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ. ПО ПОСТУПИВШИМ ДАННЫМ, В РАЙОН ПАДЕНИЯ СТЫГИВАЮТСЯ ВОЙСКА.

– Откуда, это прислали? – спросил Народный Комиссар по Культуре, у Первого Референта.

– С планеты Земля.

Комиссар вопросительно изогнул бровь.

– Новооткрытая планета. Совершенно негармоничная. – Пояснил Первый Референт.

– А, почему лаборанты сняли защиту? – спросил Комиссар, кивнув, внутрь бокса, в котором, рядом со столами, заваленными неизвестно чем, расхаживали два сотрудника комитета, в защитных костюмах, но без шлемов.

– Проверка показала, что эти артефакты угрозы, для жизни и здоровья, не представляют.

– Значит, мы можем зайти?! Пойдемте.

В боксе стоял странный запах. Пахло непонятно, вызывая странные ассоциации.

– Выяснили, что это такое? – Спросил глава комиссии, ощущая обильное слюновыделение.

– Продукты питания, которые употребляют жители, этой планеты. – Солидарно сглотнув, сказал первый Референт.

– Точно – продукты питания?

– Точно. Была сопроводительная записка.

– И, что нам с этим делать? Зачем, нам, продукты? Это не по нашей части!

– Архивариус-803241 пишет, продукты питания, на этой планете, являются основой всех культурных процессов. Вся цивилизация, построена на их потреблении. Правильном потреблении. Все нужно принимать, в определенном порядке и в определенное время. И еще – все надо правильно чередовать.

Председатель наклонился к столу, разглядывая лежащее на нем.

– Можно сделать соскобы. Провести лабораторный анализ. – Задумчиво сказал Референт.

– Собственно говоря, это не наше дело. Это – в компетенции, Комиссии по продовольственной безопасности. – Сказал Комиссар. – В число наших задач исследование питательных веществ не входит. А, вот экспериментальное исследование культурных особенностей, этой планеты мы провести можем. На основе, произведенной поставки. У них, там, переходный кризис, еще, не начался? Это не радиоактивное? Нет? Тогда пригласите штатного Биолога.

Прибывший Биолог, развязный, в силу своей исключительности, попав в бокс, принялся и возбужденно потер руки.

– Интересно пахнет. – Сказал он. – Это какой тип питания? Антропоидный? Очень интересно! И сопроводительная записка есть. Давайте!

Сунув, присланный с Земли, чип в свой индификатор Биолог стал обходить столы, осматривая продукты и, попутно считывая, что-то с лицевого экрана.

– Очень интересно! – Сказал Биолог и снова потер руки. – Приступим!

Он раскрыл, принесенный с собой контейнер, достал оттуда вилку и нож, отрезал кусочек, от чего-то непонятного и положил в рот. Прожевав и проглотив, Биолог, даже не стал выдерживать паузу, а снова стал резать, уже от чего-то другого.

– Это – не солидарно, с нашей стороны. – В конце концов, сказал Комиссар, когда Биолог пошел, по второму кругу. – Надо проводить развернутое экспериментальное исследование. Думаю, наш долг, как особо ответственных лиц комиссии, в него включиться!

Первый референт согласно кивнул. Комиссар торопливо сказал:

– Надо спросить, у нашего Биолога, есть у него, запасные инструменты. Ну, это – чем он режет и цепляет.

В НАСА ОТВЕРГАЮТ АЛМАЗНУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ МОЛОЧАЕВСКОГО МЕТЕОРИТА.

Комиссар по Гражданским свободам и Солидарной Этике, отвел в сторону Комиссара по товарообмену и гуманитарным поставкам и интимно сказал:

– Слышал. В комиссию по культуре прислали какой-то странный груз.

– Да?! – Спросил Комиссар по товарообмену, без особого интереса, брезгливо разглядывая копошащуюся под ногами, серую массу депутатов.

Они стояли в прозрачной галерее, над помещением для заседаний Верховенствующего совета. Помещение легким изгибом уходило в бесконечную даль направо и налево. Ярусы депутатских кресел, крутыми ступенями, уходили вниз и сливались в темное пятно. Куда доставал невооруженный глаз, почти все депутатские кресла были заняты. Работать нанайским избранникам, можно было и на дому, но личное посещение заседаний давало дополнительные баллы. Определенное количество дополнительных баллов, давало возможность выдвинуться и войти в депутатскую комиссию, вместе с которой можно было отправиться в инспекционную поездку, куда-нибудь в интересное местечко. Пусть, даже, не в интересное. Хотелось отправиться, хоть куда-нибудь; вырваться из стального кольца вокруг нанайского солнца. Многие просто желали ощутить, под ногами настоящую землю, пусть и перенасыщенную радиоактивными элементами.

Ответственный за этические нормы, задумчиво посмотрел через прозрачный потолок, в звездное небо, и сказал:

– Говорят, прислали что-то съедобное. И, выглядит странно. А, их комиссар молчит. Никакого заявления не сделал. Главный по товарообмену, даже не стал спрашивать, откуда он это знает. Всем было известно, что у работников этого направления везде были свои люди.

– Да странно. Это, же – дополнительные баллы. И для комиссии, и для себя лично.

– Давай заглянем к нему. Посмотрим, что, там, такое.

В блоке комитета по Культуре, визитеров встретили насторожено. Секретарь, на просьбу проводить к руководству, отреагировал странно. Что-то, дожевывая и отводя глаза, он стал переключаться с канала на канал, но, в конце концов, председатель нашелся. Он пребывал в лабораторном боксе, вместе с тремя референтами, Биологом и двумя руководителями комитетов. Коллег он встретил настороженно, украдкой вытирая масляно блестящие губы.

– Что, тут – у вас. – Деловито спросил Комиссар по Этике.

– У нас – эксперимент. Развернутый. Культурологическое исследование.

НА ОПАСНОМ РАССТОЯНИИ ОТ ЗЕМЛИ, ОБНАРУЖЕН АСТЕРОИД, С НЕПРЕДСКАЗУЕМОЙ ТРАЕКТОРИЕЙ.

В Молочаевском бизнес-центре наступила относительная тишина. В кафетерии обосновались трое атташе по культуре и человек шесть почетных консулов. Двое, болгарин Стоянов и англичанин Келли, сидели рядом и что-то тихо обсуждали. Третий атташе, чех Ходинский, как всегда сидел, в своем углу и прикидывал, как ему разыскать, канувшего непонятно, куда, испанца Гонсалеса. Но втором этаже, в офисе «Американ Прогресс», совещались работники ЦРУ. Присутствовали все, за исключением Моники Реди.

– Нет ее нигде. – Взволнованно говорил Питер Хомсварт. – Я приехал – машины нет. Ее, тоже, не видно. Только телескоп стоит. Я свою машину поставил, чтобы место не заняли, а сам – пешком сюда.

– Ладно, с этим позже разберемся. Возможно, возникли непредвиденные обстоятельства, и ей срочно понадобилось отъехать. Телескоп она оставила, значит уехала ненадолго. Хилари, что у тебя? Исследование провела?

– Провела. – Ответила Хилари Стайнем.

– Так быстро? Что никаких препятствий не чинилось?

– Никаких. Как Сельма, мне сказала, что это в компетенции местных властей, так, я – сразу в сельскую администрацию. Там участковый был. Он говорит, что зря я, туда-сюда, мотаюсь. Говорит, там дежурный внизу сидит, подойдите к нему – он вам все покажет. Мы поехали.

– Кто – мы?

– Из посольства, мне придали нашего торгового представителя. Он в камнях разбирается. Работал в Намибии, пока не попался на чем-то. Его, по-тихому, сюда перевели. Короче, подошли мы к дежурному. Он с нами поднялся, цепочку откинул. «Исследуйте», – говорит. Мы исследовали – алмаз. Стопроцентный. Идеальной чистоты. Не поддается оценке.

В офисе долго стояла тишина. Ее можно было бы назвать пронзительной, только Хомсварт сопел, как паровоз и Сельма Уотсон щелкала пальцами.

Хаттон повернулась к Гордону, долго смотрела на него, словно оценивая, достоин он общения или нет. Потом спросила:

– Что вы, вчера говорили, по поводу изумрудов? Помните.

– Помню, конечно. Ломако сказал, что лабораторию, здесь открыли, потому, что постоянно метеориты падают. Он намекал, на изумрудную составляющую. Продемонстрировал образец. Про алмазы, ничего не говорил.

– Это неважно.

Хаттон подумала, еще немного.

– Вам, нужно, еще раз, с ним, встретиться. Надо попробовать разузнать все, в деталях.

– Мы им, еще, за первый раз, с задержкой заплатили. За плодотворное сотрудничество, могут потребовать еще.

– Понимаю. Отправляйтесь в Минск. Поменяете доллары, на евро. Возьмете, у Стюарта, из средств, на непредвиденные расходы, выделенные для нашей группы. На всякий случай, возьмите пятьдесят тысяч. Всю сумму привезете мне. Я сама, в дальнейшем, буду расплачиваться. Ваше дело возобновить контакт. Вступите в переговоры – деньгами не кидайтесь. Торгуйтесь. Тем более, русские любят поторговаться.

ВОЗДУШНАЯ СХВАТКА НЛО, В МОЛОЧАЕВСКОЙ АНАМАЛИИ. ОДНА ИЗ СТОРОН ПОНЕСЛА ПОТЕРИ. СБИТЫЙ КОРАБЛЬ ПРИШЕЛЬЦЕВ УПАЛ НА ЗЕМЛЮ.

В кафетерии, тем временем, на все лады, обсуждалась сегодняшняя поездка в Прочки.

– Я, как эту деваху увидел, душа в пятки ушла. Ну, думаю – опять приехали! – Шептал Келли.

– Самое главное пронесло. Видишь – туда нельзя, а в обратную сторону –пустили. – Облегченно вздыхая, тоже шепотом, сказал Стоянов.

– Сегодня, их, там, трое сидело. Неизвестно, сколько, на этот раз, пришлось бы, без памяти мотаться!

– Как, ты думаешь, что это такое? Что за феномен? – Спросил Стоянов.

– В прошлом году, здесь, тоже, непонятно, что творилось. Люди прямо в центре, замертво падали. – Сказал Келли. – Сам знаешь. Ваш бизнесмен, вообще, в лес ушел. И до сих пор – где-то, там.

Стоянов неохотно кивнул, мол – было дело.

– И, как он – там? – Спросил Келли. – Не знаешь?

– Ничего. Живой, вроде. Только обратно не идет. Шлет домой фотографии. Регулярно, через участкового передает в посольство. Там, все, как положено – он, сам, участковый с газетой за сегодняшнее число. В газете не только число, но и новости, с первой полосы, совпадают. У греков – та, же история.

– Я, сегодня, ненароком, подумал, что первый раз поездкой отделался, а сегодня – в лес. Оздоровляться. – Сказал Стоянов. – Лечиться, от излишнего любопытства.

– Откуда, интересно, это идет? – Задумчиво сказал Келли. – Я, в смысле – от кого-то, конкретно или само, по себе? Может, девушка не виновата. Может, она, как предупредительный знак работает.

– Все может быть. – Кивнул Стоянов. – Где это видано, чтобы девица, из-под куста, разом столько народу сглазила.

– Нет. – Подумал, в этот момент, Ходинский. – Здесь, я, Гонсалеса, не высижу. Надо идти искать. А, где искать? Надо найти его прошлогоднюю хозяйку. Может, он, у нее, на дно залег.

ТЕЛЕСКОП WISE ЗАФИКСИРОВАЛ НЕВИДИМЫЕ ДЛЯ ДРУГИХ СРЕДСТВ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА КОСМОСОМ, ОБЪЕКТЫ ПРИБЛИЖАЮЩИЕСЯ К ЗЕМЛЕ.

Визит Гордона, в офис космической лаборатории, во всем походил на первый. Женщины направили его в дом, а сами остались ждать в машине.

В доме, или по-здешнему – хате, было все, как в первый раз. Только полковник, то ли по имени, то ли, по фамилии Мамай, выглядел еще отстраненнее. Однако, несмотря, на оставившийся взгляд, когда Ломако налил, он выпил, вместе со всеми.

Поставив стакан, и не закусывая, Гордон приступил к переговорам.

– Хотелось бы перевести наше сотрудничество на более высокий уровень. – Заявил он.

– Это – легко. – Обнадежил его Ломако. – Дело упирается не в нас. Дело упирается в ваши финансовые возможности. Средствами располагаете?

– Располагаем.

– За это надо выпить.

После второй, Гордон осмелился поинтересоваться:

– Скажите, а метеорит. Все, еще – у вас? Или вы его переедали в головной офис?

– Ну, ты даешь – «прогресс»! Как его передашь, без большого скопления народа и представителей прессы? Он же, в офисе, растворится бесследно. Его, там, на какой-нибудь колчедан подменят и скажут, что так и было. Нет, все – тут.

Ломако наклонился под стол, достал оттуда изумруд и бухнул его на свободное, от закусок и стеклотары, место.

– А, почему вы не привлекли прессу и высокие комиссии?

– Из соображений секретности. Рано еще народ будоражить. Разобраться требуется. Что-то ты сегодня слабо соображаешь. Давай, по третьей!

– Давай!

– Ну, каков план наших дальнейших мероприятий, в рамках, тесного сотрудничества? – Благодушно спросил Ломако, когда Гордон выпил и закусил.

– Хотелось бы – информации побольше.

– На какую тему?

– На разные. Хотелось бы обсудить ситуацию в целом. Еще хотелось бы обсудить метеорит, поподробнее и убедиться, что это именно то, на что похоже.

– Не предвижу никаких сложностей. Двадцать тысяч. Или в евро, или баксы привычного образца. С мужиками, на картинках.

– Десяти, не будет достаточно?

– Двадцать тысяч и баста! Вы, же должны понимать, куда пришли. Здесь – «Роскосмос», а – не абы, что. Одна общая ситуация, на эту сумму, тянет. А, к ней, еще прилагаются поощрительные бонусы. В качестве Филиппа Тернора, например.

– Посоветоваться надо.

– Не спеши. Мы, еще тесное сотрудничество не обмыли, как надо. Сразу эту процедуру закончим, прежде чем переходить, ко второму этапу.

В машину, Гордон вернулся минут, через сорок. Четверо вагинальных американцев встретили его холодно и надменно.

– Что удалось узнать? – С каменным выражением лица спросила Хаттон.

Про себя, она подумала:

– Если Сельма захочет ему яйца отрезать – я препятствовать не буду.

– Новости неплохие. – Заявил Гордон, наполняя салон ароматами качественного алкоголя. – Только они торговаться, не расположены.

– Говорите.

– Камень обследовать можно. Общую ситуацию, готовы обрисовать. Все – за двадцать тысяч.

– Не жирно, им, будет? – Зло спросила Сельма.

– Они, нам, еще информацию о Тейлоре, обещали подкинуть.

– О Тейлоре, им, откуда известно? – неприкрыто удивилась Хаттон.

– Мне этого не сказали. Сказали, сразу – деньги, на бочку, потом разговор будет. Государственными секретами эти торговать умеют. Этих, на мякине, не проведешь. Космическая корпорация!

– Достаточно. Я все поняла. – Остановила Хаттон, Гордона.

Если бы не упоминание Тейлора, то она бы еще подумала, о сумме вознаграждения. Но – Тейлор! Тут появляется возможность убить двух зайцев. И с тарелкой разобраться и основное задание выполнить.

– Хорошо. Ведите! Хилари, ты – со мной. Проведешь оценку камня. Остальные ждите. Если – что, прикроете, нас.

Попав в офис секретной космической лаборатории Хаттон, не удивилась скудности обстановки и антисанитарии царящей в помещении. На ее взгляд, так и должно было выглядеть логово продажных сотрудников государственной корпорации.

Присаживаться она отказалась, хотя, до ее прихода, Ломако сгреб всю закуску в полиэтиленовый пакет, протер стол и табуретки.

– Внимательно слушаю. – Сказала Хаттон, с отвращением глядя на красный нос предателя.

– С чего начнем? – В свою очередь спросил Ломако.

– Вначале, проведем экспертизу.

Оценка камня не заняла много времени, хотя от его величины, у Хаттон и Стайнем, захватило дух. Хилари проделала все быстро и четко. Она достала из чемоданчика, нечто похожее на прибор ночного видения, только, с одним окуляром, посмотрела в прибор на изумруд, покручивая окуляр, для установки хорошей резкости. Потом, она молча кивнула Сесилии, собрала оборудование и поспешила поскорее убраться из этого патриархального места.

Сесилия немного подумала, на тему, отсылать Гордона или нет. Потом решила оставить его при себе, на всякий случай.

– Вы, что-то говорили, насчет Тейлора. – Сказала она резко.

– Вы что-то говорили, на тему, финансирования российской космической промышленности?

Хаттон молча достала пачку денег и бросила на стол.

– Пересчитайте.

– Если сомневаетесь, пересчитывайте сами. Здесь, в аномалии, все – на взаимном доверии. Здесь если умышленный недочет, то прямая дорога в лес, на исправительные работы. – Сказал Ломако, подгребая деньги, к себе. Зафиксировав, таким образом, перевод денежных средств, он сказал:

– Видали, вашего Тернора. Тут – он. Многие его опознали. Постоянно мелькает в этом районе. Видимо стал на тропу тунейдцев и по ней перемещается.

– Каким маршрутом?! Не поняла...

– На тропе тунеядцев, его видели, говорю. В обществе женщины.

– Это, что такое? Не понимаю, ваших слов. Что, за тропа, такая? И, куда она ведет?

– Тут вся страна этими тропами пронизана. Феномен – такой, белорусский. А как они проходят, точно, это даже местным силовикам неизвестно. Я только знаю, что здесь, в Молочаевке, несколько маршрутов пересекаются. Тут, где-то, даже, конспиративная квартира тунеядцев, раньше была. Но они в прошлом году переехали куда-то. Куда, я не знаю. Но из разговоров местных жителей, мне известно, что по тропе идет оживленное движение, перемещаются люди, деньги и материальные ресурсы.

– Какие ресурсы?

– Негосударственные. Контрабанда, несертифицированные товары, продукция теневой экономики.

– Стало немного понятно. Как ее найти.

– Этого я не знаю. Я этим, даже не интересовался никогда. За это, тут, могут, с одной стороны, свободы лишиться, с другой – жизни. А, пожить, еще хочется. Места тут изобильные. С неба, не только, изумруды, алмазы сыплются. Ну, вы, уже в курсе.

– Если я попрошу вас узнать.

– Сделаю, что смогу. Но в прошлом году, я такие вопросы задавать начал – ко мне пришли и конкретно сказали, что похоронят и никто не узнает, где могила моя. Но раз у нас – финансовые отношения, придется пойти на риск. Сегодня же займусь.

– Переходим ко второму вопросу. Это, в поле – что?

– Никто не знает. Даже наше ведомство. Точно могу сказать, что эта балда не от «Роскосмоса». Местные сами гадают, чего это – такое. Внутри, какие-то чмыри сидят. Чем занимаются – непонятно. Но очень похожи, на научных работников. В поле, чего-то, ходят, в лес ездят. Но больше водку пьют в деревне. Или к себе носят. Ученые, одним словом. Мне Шалый говорил, что у него самогон, постоянно, берут. Еще известно, что сегодня, сюда академик Мышковец приезжает. Зачем – непонятно.

– Но, это, ведь откуда-то появилось? Каким образом? Говорят за одну ночь.

– Как оно летало, никто не видел. Появилось, вроде, за ночь. Но точно сказать сложно. Может просто, пока это не построилось, никто внимания не обращал.

– Таковую массу, ведь переместить надо. Какая техника для этого нужна!

– Вы наверх лазили? – Дерзко спросил Ломако. – Я – нет. Может оно наверху надувное? Вы знаете? И я не знаю. Даже милиция, которая рядом стоит ничего толком не знает. Говорят: «Чего, тут стоим – непонятно. Эта гаргара никому, нахрен, не нужна». Выяснить это можно, конечно. Только я раньше задачи, такой перед собой не ставил. За излишнее любопытство выслать могут. Мне это ни к чему. У меня тут, кроме зарплаты, командировочные идут.

Сесилии не очень хотелось вспоминать инцидент со скаутами, но пришлось. Потому, что разговор зашел о грузах, из тарелки, которые перемещаются, непонятно куда и непонятно зачем. Ломако, как ни странно подначивать ее по этому поводу не стал, а сказал сочувственно:

– Я, же говорю, тут теневая экономика и контрабанда. Государство точный учет вести не может. Сколько, тут, чего посажено никому неизвестно. К тому, же – урожайность невиданная. Государство план по производству в колхозы спускает, такой, чтобы можно было переработать на свих мощностях. А остальное в доход местных жителей идет. Сколько продукции, сверх нормативных показателей, остается – тайна, за семью печатями. Тут – спиртзавод, на спиртзаводе. Перегонные кустарные установки, на биотопливо. Все это в окрестностях раскидано. Может эти, из тарелки, что-то налево, пустили, за самогонку. Вы за ними поехали, наверно, к какому подпольному спиртзаводу подошли, ну, вас, и – того. Отогнали.

СЕКРЕТНАЯ УСТАНОВКА МЫШКОВЦА ПРИТЯГИВАЕТ МЕТЕОРИТНЫЕ ПОТОКИ. СОЗНАЕТ ЛИ АКАДЕМИК СВОЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ?

Злыдник приехал в Молочаевку, как раз, вовремя, чтобы прервать дружеское общение двух старых приятелей – председателя сельсовета Заслонова и академика Мышковца. Он накрыл их в мастерской, где они, уже успели налить по второй. На этом этапе, майор, их тормозить не стал, но выпили они, под его укоризненные увещевания.

– Василий Павлович, Василий Павлович! Вам, такое ответственное дело поручено. А – вы?!

– Не переживай Иван Иванович. – Сказал академик. – Это все вписывается. Это – в рамках мероприятия. Мне сказали, что придется белиберду, какую-то нести. Значит – нужен разгон. Теперь, любую речь толкнуть смогу. По любой отрасли народного хозяйства.

Посадив Мышковца в машину, Злыдник повез его в поле. Здесь их, уже ждала съемочная группа белорусского телевидения. Пока, под руководством Калюнова, наводились последние штрихи, Василий Павлович прогулялся по дороге и оглядел летающую тарелку. Осмотром он остался доволен и интервью давал в прекрасном расположении духа. Калюнов расположил Мышковца, таким образом, что в кадре оказались опоры летающей тарелки и часть ее днища. Смотрелось это внушительно, но очень непонятно. Речь академика, тоже была туманна. Неясно было и то почему интервью, у него берет ведущая программы «Добрый ветер» – Наталья Барановская.

Она задавала ему вопросы о его научной деятельности, о новых разработках и внедренных технологиях. На вопросы, Мышковец отвечал многословно, но без излишней конкретики. Зрители узнали, что разработки ведутся, технологии внедряются и, что, в данный момент, уже имеются опытные образцы, сверхсовременных сельскохозяйственных установок, которые поднимут производство, на новый уровень. Восемь опор, торчащие в поле, за его спиной, как бы подтверждали его слова. Правда, что там – такое, целиком не показывали. Но у зрителя должно было создаться впечатление, что, то, что, там торчит, еще не до конца доработано, а поэтому – секретное. А, раз – секретное, то его целиком не показывают. Сельские жители остались довольны выступлением Василия Павловича. Городские телезрители испытали легкую тревогу. В городской среде, пошли разговоры, что как бы опять не сверкнуло, когда эту поебень включают, на полную мощность. Но эти разговоры быстро сошли на нет, потому, что вспомнилось одно напутствие, в адрес Василия Павловича. Однажды, ему было сказано, что каждое следующее его изобретение будут включать, только, тогда, когда он и его ведущие специалисты сядут, на свое творение, верхом. Причем, изобретение, не просто включают, а пощелкают тумблером туда-сюда, чтобы убедиться, что нация – в безопасности.

МИКРОБЫ ПОТИРАЮТ РУКИ, В ПРЕДВКУШЕНИИ БЛИЗКОЙ ГИБЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Открыв глаза, комиссар, по нанайской высокой этике, понял, что находится в аппарате регенерации.

– С чего бы – это? – подумал он, а потом, вдруг, сразу додумался:

– Эксперимент! Экспериментальное потребление питательных веществ!

В это время верхняя панель отъехала, и над ним склонилось лицо Доктора, с благожелательной улыбкой на лице. Как и положено, благожелательная улыбка была с медицинским оттенком, поэтому ничего понять, по ней, было нельзя.

– Что, со мной, все-таки произошло? – Выбираясь, из аппарата, думал комиссар. – Отравление? Передозировка? Может – банальная травма? Оступился ненароком?!

Когда его взгляду предстали, еще два комиссара вылезавшие из соседних установок, последнее предположение, сразу, отпало.

– Не могли мы, все трое, разом, оступиться!

Очутившись в коридоре все трое, стали оглядываться, пытаясь определить, где собственно они находятся. Было интересно, в каком учреждении Верховенствующего Совета, они лечились и как тут оказались. Коридор, впрочем, был идеально стандартный. Таких коридоров на модуле, были сотни тысяч.

Первым опомнился комиссар по культуре.

– Идемте, ко мне, в кабинет. – Нейтральным голосом сказал он, видимо по каким-то особенностям, в виде небольших пятен и едва заметных царапин, определив, что находится, у себя, в офисе.

Оказавшись в кабинете, наркомы стали поглядывать, друг на друга, пытаясь определить, кто больше остальных знает, что произошло. Выяснить это не удалось. Поэтому возникла продолжительная пауза. Впрочем, по роду деятельности, выдерживать паузы, в случае непредвиденных обстоятельств, они умели. Первым заговорил нарком по товарообмену. Решив, что к этому происшествию он имеет самое поверхностное отношение, он сказал, многозначительно:

– Так.

Что говорить дальше, он видимо не знал, и вновь установилось молчание. Тогда, сделав озабоченное лицо, заговорил нарком по этике:

– Эксперимент, видимо прошел не совсем успешно. – Сказал он.

Тут лица комиссара по культуре и комиссара по товарообмену стали меняться. В их головах, ослепительными вспышками, стали являться яркие образы. Вместе с образами начали возбуждаться вкусовые рецепторы. Вкусовые ощущения вернули всех в затемненное прошлое, а воспоминания породили в их душах чувство неуверенности.

– Насколько, я помню, в установки мы ложились самостоятельно. – Сказал нарком по товарообмену.

– Смеялись и обменивались шутками. – Сказал нарком по культуре. – Но сам ход эксперимента, как-то ускользает. Что-то, все-таки, пошло не так.

– Хотя начало не предвещало подобного окончания. – Сказал нарком по этике.

Культуролог, нахмурившись, стал тереть лоб и сказал:

– Все было нормально, до того, как мы не попробовали жидкость, из бочонков.

– Точно! – Обрадовался Комиссар по этике. – Вкус, еще – отвратительный, такой. Хотя потом пьется, с удовольствием.

– Раскрепощает. – Согласился комиссар по Культуре и добавил:

– Мне кажется, эксперимент был расширенный. Кроме нас, в нем участвовали мои сопредседатели и, еще кто-то.

Все втроем основательно задумались. Несмотря на напряжение всех извилин, ничего не вспоминалось.

– Надо пригласить моих сопредседателей. – Наконец выдавил, из себя отвечающий за культуру. – Пусть они доложит, а мы послушаем.

Сопредседатели вошли в кабинет бодро, но глаза, у обоих, при этом, подозрительно бегали.

– Доложите обобщенные данные, проведенного эксперимента. – Сказал нарком по культуре.

Его Первый заместитель задумался, выдерживая паузу. Второй сопредседатель, рангом пониже, такие продолжительные паузы еще выдерживать не мог, поэтому сдался первым.

– Эксперимент, в целом закончился успешно. – Сказал он.

На него, разом навалились. Стали пытаться, почему он, так думает, какие есть для этого основания, потом потребовали изложить все в развернутом виде.

Второй сопредседатель долго пыхтел, потел и кашлял, но, в конце концов, вынужден был признаться, что у него в голове, только отдельные фрагменты, над которыми, еще работать и работать.

– Все ясно. – Решительно сказал нарком товарообмена. – Хоть, кто-то может изложить то, что происходило? Или записи, не дай бог, остались?

Выяснилось, что записи есть, прямая трансляция, как положено, шла в эфире, но, там, транслировалось прошлогоднее заседание, по поводу улучшения дизайна искусственных раковин, для волнистых мыслящих мшанок, с Акварина-88.

– Но, кто-то может доложить? Кто-то, из членов комитета, в состоянии вспомнить происшедшее?

– Младший Лаборант, ответственный за гигиену, присутствовал. – Сказал Первый Сопредседатель. – Он, кажется, в эксперименте участвовал, только частично. Жидкости, наверно не употреблял, потому, что не восстанавливался.

– Не восстанавливался, а выглядит прекрасно. – Добавил второй Сопредседатель.

– Вызовите его. – Переглянувшись с другими высокими руководителями, сказал комиссар по культуре.

Младший Лаборант явился, по вызову, немедленно, словно ждал, за дверью. Председатель комитета отечески приветствовал своего сотрудника, напомнил о высшей Гармонии и основах Декларации. Особо было сказано об ответственности, которую несут члены комиссии, для сохранения стабильности в гражданском обществе. Только после этого он перешел к существу вопроса. На просьбу изложить ход эксперимента, как он видится ему, как участнику управленческого процесса, хоть и не очень ответственному, Младший Лаборант воссиял, как светильник пространственного маяка.

– Вкусовые и питательные особенности, доставленных продуктов, были в целом одобрены! – Сказал неответственный сотрудник. – Только возникли побочные эффекты.

– Так! Какие?

– Самые разные. У всех – что-то, свое. Биолога, вот, до сих пор регенерировать не можем.

– Почему?!

– Сопротивляется проведению профилактики. Закрылся в изоляторе с колбой прибывшего напитка и контейнером образцов. И не выходит. Заявил, что всякой дряни, за жизнь перепробовал, а с этими образцами получает удовольствие и намерен растянуть процесс.

– Достать его, что, оттуда не возможно?

– Никаким способом. Он установил, на контроле, что внутри эксперимент, с особо опасными веществами, поэтому замок откроется, только через шесть часов. Так! – Лаборант взглянул на лицевой экран. – Я, тут, фиксировал, чтобы не забыть.... Сразу, в ходе эксперимента обсуждались проблемы Верховенствующего Совета и Нанайского общества в целом. Было высказано множество критических замечаний. Потом все захотели общаться, по интересам. Правда, не обошлось без недоразумений. Комиссар по товарообмену желал активно общаться с Первым Сопредседателем, хотя оба были в шеломайках.

– Не надо подробностей. Доложите, в целом. – Натянуто бодро, сказал руководитель комиссии по товарообмену

– Если – в целом, то в остальных структурах комитета, эксперимент, затянулся на более продолжительное время, чем в центральной лаборатории. Оно – понятно. Там, начали позже.

– В каких именно структурах, еще, проходил эксперимент? – Спросил Культуролог.

– Так, во всех. Вы всех вызвали и сказали, что все должны участвовать. Угрозы, для жизни, сказали, нет. Поэтому все могут испытать на себе культурные особенности пищевого потребления землян.

- Никто не отказался?
- Никто! Все вызвались! Все решили принять активное участие.
- И, как там обстоят дела?
- В целом хорошо. Только подкомитет по светлым образам, еще на восстановлении. Они позже всех легли, потому, что пришлось аппараты дозаказывать.
- Как это провели, по ведомости?
- Никак! Руководитель комиссии по товарообмену позвонил к себе и оттуда доставили.
- Я, что – куда-то звонил?
- Звонили и экстренную радиogramму давали. Не вы один. От трех комиссий, на вновь открытую планету.... Так. Землю! На Землю ушли экстренные внеочередные радиogramмы. Текст практически одинаковый, во всех: «Требуется дополнительная поставка образцов биологического материала, для дополнительного исследования. Образцы поставлять в прежних объемах. Некоторые отклонения в структуре и особенностях вещества, не имеют значения».

Глава четырнадцатая

В кафетерии, у Раисы Петровны, народа заметно поубавилось. Тесной парой сидели, не доехавшие до Прочек, Стоянов и Келли. Четыре почетных консула, нервно поглядывая в их сторону, попивали кофе.

Карьерные дипломаты были внешне невозмутимы, но внутренние напряжены, до предела. Обоих точило беспокойство, по поводу правильности сделанного выбора. Вдруг, остальные добрались до загадочного населенного пункта и разжились, там, ценной информацией. Вдруг, эта информация очень срочная и может повлиять на международную обстановку, так, что отстающие окажутся в проигрыше. Они, здесь, сидят, а остальные, уже передают информацию руководству. И теперь их засунут в отделы с минимальным допуском, где они будут прозябать, до пенсии.

Они начали мусолить эту тему, в десятый раз, когда в кафетерий вошел атташе по сельскому хозяйству Перу. Вошел он, скособочено и немного волоча ногу. Оглядев полупустое помещение, он неприкрыто удивился и, поздоровавшись, спросил:

– Моего коллегу, Хайме Рамоса, никто не видел, случайно?

– Здесь, он давно не появлялся. – Живо откликнулся Стоянов. – А, в чем дело?

– Не знаю. Только пропал куда-то. Сам, давно не звонил. И на звонки не отвечает.

– Ты, на посту милиции поспрашивай. – Подал идею британец Келли. – Может они знают. Или видели, куда поехал.

– Это – на том посту, что возле лаборатории? – Уточнил Эстебан Умберто.

– Ага, там. – Растерянно сказал Келли.

Когда перуанец, по прежнему прихрамывая, вышел, он, так, же растерянно спросил у коллеги, по шпионажу:

– Интересно, что он имел в виду, когда назвал, эту штуку, лабораторией?

– Мне уже, даже не интересно. – Сказал Стоянов. – Мне просто хорошо, оттого, что мы вовремя притормозили.

КОСМОС ПРИХОДИТ НА ВЫРУЧКУ ПЛАНЕТЕ. ЗЕМЛЯ РЕШИЛА ИЗБАВИТСЯ ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ПАДЕНИЕ МЕТЕОРИТОВ РЕЗКО УСКОРИТ ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ.

После истории с посягательствами, на женское достоинство агента Восточноевропейского отдела Хаттон, обсуждать проблемы, за чашкой кофе, руководителям этого направления стало не очень комфортно. Ироничные взгляды коллег, в кафетерии, выводили из себя. Некоторые прямо спрашивали, как далеко зашел столетний белорус, в своих домогательствах, и, что собой представляет агент Хаттон, способная разбудить в старческом механизме, подобные реакции.

По этой причине руководство Восточноевропейского отдела перешло на кофе из автомата, предпочитая кофе, с привкусом бумаги, сочувственной атмосфере предприятия общественного питания. Тем более, новые сообщения обсуждать открыто, на глазах, у всех, не стоило. Новости, из Белоруссии ошеломляли и ставили в тупик не только руководство отдела, но и руководство Управления. Не только заместители директора, но и сам директор, в перерывах между игрой в гольф, коктейлями и показами мод, вспоминала о долге перед нацией, и требовала разъяснений.

В кабинете начальника восточноевропейского отдела, сегодня присутствовали оба заместителя: руководитель восточноевропейского сектора и руководитель сектора внешних операций. Первая занималась разведкой на территории входящих в сферу его интересов государств,

а вторая работала с гражданами этих государств по всему миру. Сейчас, все трое, напряженно вчитывались в донесения своих сотрудников, пытаясь разобрать их каракули. В целях контроля за адекватностью подчиненных, тем была поставлена задача, составлять свои донесения от руки, чтобы быть уверенными, что они в здравом уме и трезвом сознании. Сейчас это распоряжение выходило, руководству, боком. Даже детишки в школе, уже, лет двадцать, не писали ручками, а стучали по клавишам компьютеров. Учить школьников писать, конечно, учили, но несерьезно, так, чтобы помнили о том, что в былые времена компьютеров не было, и люди выводили буквы на бумаге, письменными принадлежностями.

– Тут, надо наших криптографов приглашать. – Зло сказала первый заместитель, руководитель восточноевропейского сектора, афроамериканка Кайла Дэвис.

– Сначала в общих чертах сами разберемся. Вдруг, их, там, опять лапали. Нельзя, чтобы это вышло наружу. – Сказала начальник отдела, Хлойя Брукс.

Второй заместитель, Айвери Скотт бросила рукопись Хомсварта на стол и заявила, что она, больше, не в силах переносить эту муку.

– Лучше, сразу, в пропасть, с немой головой, чем разбираться, с этим.

– Хомсварт, про алмаз пишет? – Спросила начальник отдела.

– Пишет. Только неразборчиво. Про алмаз, я вам могу и без него рассказать. Про него все уже – в курсе. И греки, и итальянцы, и испанцы, и французы. Все подтверждают вес и твердость образца. Белорусы, вообще, ничего не скрывают. Дают свободно его осматривать и проводить экспертизу. Теперь, везде, специалисты задаются вопросом, почему он не сторел, при входе в атмосферу. Единственное объяснение, что он был частью более крупного космического тела, состоящего из льда.

– Может, он не упал? Может белорусы провоцируют мировую общественность? – Спросила Кайла Дэвис.

– Откуда он, тогда взялся, если не с неба? – Развела руками Айвери Скотт. – Во-первых, НАСА, правда, без стопроцентной уверенности сообщает, что крупные метеориты, за прошедшие несколько суток, на землю падали несколько раз. По странной траектории и, похоже, на территорию Белоруссии. Национальное разведывательное управление, эту информацию не подтверждает, но и не опровергает. Их спутники, тоже, чего-то, там, зафиксировали. Только непонятно что. То ли взлеты, то ли падения. Второе – наши эксперты, со стопроцентной уверенностью, заявляют, что из земли его, там, извлечь не могли. У них обычной щебенки, для строительных работ, не хватает. Там сплошные болота. Где сухо, там – пески и глина. И, как это – не упал. Это, что получается, там алмазные россыпи открылись? Таких алмазов не бывает в природе.

– А, какие бывают?

– Самый большой – три тысячи сто карат. И, тот был треснутый.

– А, этот?

– Сорок четыре тысячи восемьсот восемьдесят. Причем идеальной чистоты, без сколов и трещин. Все, так сообщают. Почти все приглашали ювелиров, на опознание. Ювелиры подтверждают исследования, только сами верить отказываются. Хоть и руками щупали.

– Чем, это, нам грозит, если окажется правдой? – Спросила руководитель отдела.

– Можем получить дополнительное финансирование. – Сказала Кайла Дэвис.

– Рынок алмазов, конечно, не рухнет, но пошатнется. В ожидании дальнейшего развития событий. Все будут гадать, как и мы – откуда он взялся. Из космоса или из белорусских недр. – Сказала руководитель сектора внешних операций.

– Там, еще, изумруд присутствует. – Мрачно сказала первый заместитель. – Я, вот, только сейчас разобрала. Хаттон пишет, что при посещении российской космической лаборатории, им был продемонстрирован изумруд, схожий по величине, с алмазом. Завербованный руководитель лаборатории заявил, что, там, в аномалии, такие падения не редкость.

Все трое снова стали разглядывать рукописи подчиненных.

– Гордон, тоже, про это пишет. – Сказала Кайла Дэвис.

– Хаттон, еще пишет, что Тейлор, вроде, как нашелся.

– Где?

– Там, в Белоруссии. На тропе тунеядцев. Видели его, на ней.

Айвери Скотт дочитала сочинение Хаттон, до конца, и, перевернув последний лист рукописи, убедилась, что там больше ничего не написано.

– Бред – какой-то...

– Гордон, тоже про эту тропу пишет. Высказывает предположение, что Тейлор, вернулся в Белоруссию, чтобы заняться, там нелегальной торговлей драгоценными камнями. – Многозначительно сказала Дэвис.

– Про тропу тунеядцев, в прошлом году, все сообщали. – Сказала Скотт.

– Это, что – такое?

– Все это – очень неопределенно. Вроде, как подпольная сеть. Только не для сопротивления властям, а для контрабанды и незаконного предпринимательства.

– Вот, он, чего обратно рванул! Напал в прошлом году на золотую жилу!

– Золото, там пока не падает. А, в историю с нелегальной торговлей камнями, можно поверить.

– Вот, еще, в самом конце! Стайнем пишет, что Моника Реди пропала.

– Это – кто? – Спросила руководитель отдела.

– Ее подчиненная.

– Я помню Моника. Она, у меня, в Риме, работала. – Сказала Скотт.

– Хаттон пишет, что Реди оставила наблюдательный пост, без разрешения уехала куда – непонятно. На связь не выходит.

– Не придавай этому значения. Возможно – обычная склока.

– Вполне вероятно. И, так – что будем делать?

– В первую очередь, надо передать, чтобы заканчивали со своими иероглифами. Пусть печатают. А, то мы, тут, без алмазных метеоритов, сума сойдем.

Экстренные запросы на поставку новых образцов пришли на «Лапендрюгу 803241» в неурочное время, что свидетельствовало об их чрезвычайной важности, для нанайского общества.

Пришли они на имя Архивариуса, а не Биолога, что было несколько странно.

Хотя экстренный канал связи был некоторое время открыт, ответить сразу не было возможности. Архивариус отсутствовал

– Сообщите, что образцы будут высланы, в самое ближайшее время. – Заявила Архивариус, забежав на минутку переодеться, перед вечерними посиделками у костра. – Я сегодня переговорю, с местными представителями власти. Для подобной поставки, требуется их добровольное участие. Но можете сказать, что они будут не против. Я уверена.

Прибыв в лагерь туристов, Архивариус стала искать, взглядом, местного представителя власти Злыдника. Именно, он посоветовал ей совершить преднамеренную ошибку и отправить в комиссию по Культуре, образцы продовольствия, вместо предметов искусства и керамики. Землянин сказал, что подобная ошибка позволит отложить неизбежный кризис. Правда, Злыдник, при этом, не уточнил, что кризис грянет, над «Лапендрюгой», поэтому Архивариус приняла его высказывание, как оттяжку кризиса переходного, который может разразиться на этой планете.

Обнаружила она облеченного высокими полномочиями землянина быстро. Злыдник был не один, а со своей землянкой. Как и Архивариус с Агейкиным, они держали друг друга, под руки. Волоча мичмана, на буксире, Архивариус двинулась в сторону ответственного землянина.

Злыдник приветливо поздоровался с подошедшей парочкой. Тоня, только, сдержанно кивнула.

– Пришло сообщение с Нанайи. – Заявила Архивариус, с порога.

– Очень хорошо. – Кивнул Злыдник. – Давайте отойдем в сторонку. Побеседуем, чтобы нам не мешали. Говорить кстати, можно свободно. Ваши индикаторы, здесь не действуют. Фоновые помехи.

Усевшись на двух коротких бревнах, в стороне от суеты, туристического лагеря, парочки завели интимную беседу. Перед разговором, инопланетянка, для пробы, включила свой приборчик, но связи с кораблем, в самом деле, не было. Идификатор показывал ритм сердца, кровяное давление и на этом – все. Когда Архивариус, не стесняясь, изложила суть поступивших с Нанайи запросов, Злыдник удовлетворенно хмыкнул.

– Вы говорили, что подобная поставка, способна оттянуть наступление кризиса. Эти запросы, как-то вписываются, в вашу теорию? – Спросила инопланетянка.

– Вписываются. – Сказал Злыдник. – Судя, по поступившим заявкам, имеется возможность не просто отложить катастрофу, а даже избежать ее совсем. Как вы, к этому относитесь.

– Я отношусь к этому очень хорошо. – Сказала Архивариус, нежно взглянув на Агейкина.

– Возможно, для этого, придется пойти, на некоторые уловки.

– Я готова. – Архивариус сильнее прижала, к себе руку, кавалера.

– Скажите, связь можно установить, только с вашим Центром Полетов?

Архивариус объяснила, что каждый член экипажа может дополнительно установить связь, с отдельной комиссией или Директорией Галактической Конференции, в рамках тесного узконаправленного сотрудничества. То есть, Координатор может связываться с Комиссией по Этике, Биолог – с Комиссией по продовольственной безопасности и так далее.

– Но только одним пакетом. – Сказала Архивариус. – В рамках единого сеанса связи.

– А переговорить, в режиме конференции, у вас имеется возможность?

– Такая возможность имеется у Галактика. Но, только в экстренных случаях. Остальные могут, только отправлять или принимать видеообращения, в записи.

– Ясно. Зайдем, с другого конца. Средства слежения, у вас имеется? Для наблюдения, там, за окружающей обстановкой? Вы, ведь, когда прилетите, осмотреться должны.

В ходе дальнейшего разговора выяснилось, что таких устройств. На «Лапендрюге» навалом. Каких, только нет. Есть большие, малые и просто миниатюрные. Похожие, на пылинку. Только такие маленькие, стационарно привязаны к более крупным устройствам.

– Мы их используем, когда посылаем дары туземцам. Для выяснения их предпочтений. – Сказала Архивариус. – Кладем в контейнеры стандартный набор и наблюдаем, что они предпочтут. Какие виды продовольствия, косметики, трикотажа. Пылинка-зонд кружится в радиусе и передает, через контейнер, собранную информацию.

– А контейнер, с кораблем связан?

– Да. Он работает. Как усилитель.

– На какое расстояние?

– До бесконечности.

– И передает, на корабль, из любой галактики?

– Да, причем только на тот, к которому приписан. В целях сохранения тайны личных данных. У нас, с этим, очень строго.

– У, вас, лично, такие контейнеры есть?

- Они находятся в распоряжении всего экипажа. Каждый может воспользоваться, для своих целей. Скажем, для научных исследований.
- К собранной информации, все имеют доступ?
- Нет, если это научное исследование или эксперимент, в рамках, такого исследования, соблюдаются авторские права. Только, экспериментатор имеет, к этим данным, доступ. До широкого обнародования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.